

Филипп Эриа

СЕМЬЯ БУССАРДЕЛЬ

К Н И Г А П Е Р В А Я

ЖИЗНЬ СЕМЕЙСТВА ФРАНЦУЗСКИХ БУРЖУА
НА ФОНЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Буссардели

Филипп Эриа

Семья Буссардель

«Азбука»

1944

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Эриа Ф.

Семья Буссардель / Ф. Эриа — «Азбука», 1944 — (Буссардели)

ISBN 978-5-389-34445-7

Со времен крушения Наполеона в одном из роскошных особняков Парижа живет семья Буссардель. Глава семейства Флоран Буссардель – эгоистичный, обладающий холодным рассудком биржевой маклер. Не имея значительных средств, он умудрился обеспечить детям и внукам крепкий финансовый капитал. Процветающая почтенная семья – такова парадная витрина жизни Буссарделей. Но есть и то, что скрыто от глаз. Описывая будни своих героев день за днем, Филипп Эриа щедро расставляет по шкафам скелеты, которые то и дело предьявляет читателю. Буссардели не ангелы, они – живые люди. Незаконнорожденные дети, адюльтеры, неприглядные поступки, непонимание и абсолютное равнодушие друг к другу и к человеческим горестям вообще – все это составляет истинную жизнь семейства. Следить за перипетиями судеб героев крайне интересно именно потому, что Эриа, как и его предшественник Бальзак, рисует подлинную человеческую комедию.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-34445-7

© Эриа Ф., 1944

© Азбука, 1944

Содержание

I	6
II	7
III	12
IV	22
V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Филипп Эриа Семья Буссардель

Марсело Эскофье

Philippe Hériat
La Famille Boussardel

© Éditions Gallimard, Paris, 1944

© Немчинова Н. И., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

Издательство АЗБУКА®

I

– Литеры хороши! Превосходно подобраны! – заметил Флоран. – Правда, и фамилия очень удобна для гравировки.

Подняв руку, вооруженную стеклом, он указал на фронтон мавзолея, где на гранитной доске выстроились вырезанные на камне слова, и, отчеканивая слоги, прочел:

– Се-мья Бу-ссар-дель!

Затем добавил:

– Что же ты ничего не скажешь, душенька?

Жена смущенно улыбнулась и промолчала, только устремила взгляд на монумент, вздымавшийся на вершине косогора. Ей еще надо было привыкнуть к нему. Обстоятельства мешали ей приезжать сюда наблюдать за работами, и до сих пор она даже не знала, какой проект выбрал ее муж. Уже столько месяцев она, как и многие-многие другие, вела мучительное существование.

Гробница, возвышавшаяся перед нею, подавляла ее своей величественностью и величием. Каждая деталь отделки выделялась при свете утреннего солнца с бесцеремонной яркостью, свойственной новым вещам. Тут было много лепных украшений и символических барельефов, скомпонованных по моде тех дней: пальмовые листья чередовались с песочными часами, выпуклые гирлянды соединяли меж собою античные урны, пылающие опрокинутые факелы и даже каменных сов. Двустворчатая дверь без приступка на вид была чрезвычайно тяжела, словно отлита из бронзы. Дивясь такому высокому искусству и такой пышности, молодая женщина вспомнила о могилах своих родственников в Турени, похороненных у стены сельской церкви, таких скромных могилах, даже без склепа. Простые холмики, обложенные дерном, окруженные решеткой, к которой она в годы детства всегда привязывала на Вербное воскресенье освященные ветки самшита.

Зато для нее самой местом последнего упокоения будет вот этот большой величественный мавзолей городского кладбища, поражающий взгляд. Это сооружение было мерилом теперешней ее оторванности от прежнего существования. Подумать только! Почивать вечным сном ей придется именно тут, в этом маленьком дворце!

– Ты онемела от удивления?

– Да. – И тут же она спохватилась: – Но ведь это сущее безумие, Флоран!

Она знала, что мужу приятно слышать упрек такого практического характера. Он ответил назидательным тоном:

– Отец так пожелал. И мне тоже захотелось. Для своей семьи мне ничего не жаль.

– Друг мой, но ведь вся наша семья состоит из двух дочек.

– А разве у нас больше не будет детей?

Лидия ничего не ответила, только покраснела. По дорожке шел десятник показать заказчикам, как хорошо закрываются двери склепа, и Лидия отвернулась, чтобы не заметно было ее смущение; муж взял ее за руку, тихонько сжал ей пальцы, супруги Буссардель, рука в руке, подняв голову, стояли неподвижно у порога еще пустой гробницы, словно у врат своей судьбы.

II

Когда Флоран все осмотрел, исследовал, одобрил, он поманил десятника, и тот опять подошел.

– Ну что ж, любезнейший, если мой отпуск продлится, а, наверное, это так и будет, я заеду на этой неделе к вашему хозяину и рассчитаюсь с ним. Скажите ему, что я буду у него на днях, и передайте, что я доволен работой.

Флоран взял под руку жену и пошел прочь от мавзолея. На гребне косогора валялись доски, нетесаный камень, всякий хлам и мусор, оставшийся от недавних строительных работ. Боясь разорвать прионелевые башмачки, Лидия попросила мужа обойти стороной и спуститься вниз, на дорожку, огибавшую пригорок. Десятник, держа шапку в руке, шел позади заказчиков. Он предложил проводить их до ворот. Вокруг еще росло много деревьев, – управление городскими кладбищами производило вырубку только на проданных участках, и посетителям, не знакомым с местом, нередко случалось заблудиться на этой бугристой лесной поляне.

Все трое спустились вниз – на мгновение в конце просеки открылась панорама Парижа. Флоран, не гнушавшийся разговорами с мелкой сошкой, расспрашивал старика десятника, кто уже похоронен в этой части кладбища. Он удивился, узнав, что тут находится могила мадемуазель Клерон, с некоторым удовольствием услышал, что близким его соседом будет герцог д’Абрантес. Умудренный уроками времени, полного контрастов, не зная, каких новых воззрений вскоре надо будет держаться, Флоран Буссардель считал благоразумным проявлять строгость в вопросах нравственности и широту взглядов в области политики.

Мысли его опять обратились к мавзолею, носившему его имя.

– В общем работа кончена в срок, – бросил он на ходу. – Удивительное дело! Нынешние события совсем не отразились на такого рода предприятиях!

Десятник сообщил, что он сидел без работы недели три самое большее. Мастерская закрылась в середине июня, а в начале июля работы возобновились, причем число рабочих не уменьшилось. С того времени, как его молодых подмастерьев забрали в армию, наняли стариков каменщиков, а в качестве подручных приставили к ним учеников, молокососов лет по пятнадцати. Благодаря этому и удалось выполнить в срок заказ. Так-то оно лучше! Пока армии уничтожают друг друга на полях сражений, пока нации вторгаются во владения других наций, пока на головных уборх меняются кокарды – разве для повседневной работы и в деревнях и в городах не требуются рабочие руки?

– Умные речи приятно слышать, – заметил Флоран. – Нашей многострадальной стране очень нужна энергия всех ее детей, и все они от мала до велика обязаны помогать ей.

Говоря так, он имел в виду себя. Счастливого уцелев в последних боях, считая себя в долгу перед провидением, он жаждал поскорее вернуться к штатской жизни, а штатской жизнью была для него служба в Казначействе. Мысленно он уже возвратился туда. Хотя официально его еще не освободили от военной службы, он уже надел в тот день свой синий суконный фрак и цилиндр.

Сунув руку в жилетный кармашек, он извлек оттуда монету и дал десятнику на чай. Тот вывел их к заставе Онэй. Поджидавший на стоянке кабриолет отделился от вереницы экипажей и подъехал к супругам Буссардель. Кабриолет они наняли на все утро, выйдя из церкви два часа назад.

Кладбище, открытое лет десять тому назад, на холме, где у преподобного отца Лашеза был выстроен загородный дом, находилось за чертой города, никакие маршруты «кукушек» не доходили до него, и доехать туда можно было только в извозчикьем экипаже; в честь знаменательного дня возвращения к домашнему очагу молодой супруг не пожелал нанять ни фиакр, ни полужакрытое ландо, а взял открытый кабриолет, который, подпрыгивая на булыжной мосто-

вой, быстро довез седоков от церкви Сен-Луи д'Антен до некрополя – вся дорога заняла около часа, ехать пришлось по бульвару, озаренному веселыми утренними лучами солнца.

Для того чтобы и обратный путь походил на приятную прогулку и обошелся дешевле, извозчику велели ехать другой дорогой. Он возвратился в город улицей Ра, потом проехал по улице Мюр де ла Рокет и, свернув наконец на улицу Сент-Антуан, двинулся по ней. Супруги Буссардель направлялись в сад Тюильри, где их ждали дочери, игравшие там под присмотром няни.

Путь был долгий; начиная с улицы Сент-Оноре, движение по случаю воскресного дня сильно увеличилось. В золотистой пыли, пронизанной солнцем, под цоканье копыт двигались роскошные коляски, которые кучера только недавно выкатили из каретных сараев, а вперемежку с ними гарцевали на конях офицеры оккупационных армий. Весь этот поток устремлялся к Елисейским Полям, где стояли бивуаком казаки, или к аллее, огибавшей Марсово поле, где разместились пруссаки, или же к Булонскому лесу, где войска Веллингтона разбили свои палатки. Строго распланированный английский лагерь, вокруг которого выросли, как грибы, всякие лавчонки, привлекал тех, кто еще располагал лошадьми для такой далекой прогулки. В последние погожие дни осени так приятно было прокатиться в Булонский лес, да еще и удовлетворить свое любопытство.

Всю улицу запрудили экипажи. Извозчику пришлось плестись шажком. Рессоры мягко покачивали седоков. Лидия уютно устроилась в уголке кабриолета и, просунув руку под локоть мужа, сидела тихонько, отдавшись какому-то сладостному чувству отдохновения. Все было так хорошо: эта утренняя прогулка, теплый воздух, это пестрое зрелище, мелькавшее перед глазами, и эта удобная коляска, после пережитых ужасных дней – июнь, июль, август, – когда на страну обрушились все несчастья разом, когда, казалось, почва уходила из-под ног, когда каждый в душе прощался с дорогими своими близкими и с самыми необходимыми благами, и со своей собственной жизнью. Но вот все кончилось: горячо любимый муж вернулся к ней живым и невредимым, она спасла детей, ее родители, оставшиеся в Турени, находятся в полном здравии и благополучии – словом, Лидия Флуэ, супруга Флорана Буссарделя, чувствовала себя счастливейшей из женщин, и сердце ее переполняла великая благодарность судьбе. Ах, пусть другие, пусть неудачники плачут и сетуют, пророчествуют родине черные дни. У нее не сорвется с уст ни единой жалобы, ибо ей-то не на что сетовать.

Совсем рассеялось и то странное чувство, которое она испытала сегодня утром, стоя у чересчур роскошного мавзолея... Что поделаешь против таких резких перемен в расположении духа!.. Но все прошло. Ведь важнее всего, что Флоран с нею, Флоран вернулся и, наверное, уже навсегда. Теперь его уже не отнимут у нее. Покончено и с рекрутчиной, и с народным ополчением, и с внезапными призывами в действующую армию. Все миновало, все кануло в прошлое. Матери избавились от тяжелой муки, жены вздохнули с облегчением: больше не будут убивать сыновей и мужей. Племя мужчин, более десяти лет жившее в разлуке с племенем женщин, ныне соединится с ним, и к племени женщин вернется сон.

Лидия закрыла глаза. Она полна была ликования и усталости. Ведь впервые за многие месяцы, можно сказать за долгие годы, она могла спокойно наслаждаться счастливым мгновением. Не надо бояться, что страшная действительность напомнит о себе. Пришел конец тем дням, когда она жила как затравленный зверь, вздрагивала при малейшем шорохе, с ужасом открывала глаза в ночном мраке, вслушивалась в тишину. Для нее война кончена. Теперь она уже не будет искать зловещего смысла в самых обычных вещах: почему вон тот мужчина так быстро проходит через площадь? Что он узнал? Отчего грохочут колеса обозных телег на дороге? Что значит этот стремительный топот копыт, этот лай собак? Теперь не надо тревожно вглядываться в лица прохожих, принюхиваться к запахам, которые приносит ветер, всматриваться в багровые отсветы, окрашивающие небо. Можно передохнуть. Вновь она станет сама собой, а по натуре своей она не создана для трагедий и жестоких потрясений. Нет, она не могла

играть героические роли, какие вошли в моду у ее современниц. Она была простушка и не обладала стойкостью древних римлян.

Покачивание кабриолета убаюкивало, Лидия закрыла глаза; для нее вновь начиналась жизнь, вновь обрела она душевный покой. Сладостную дремоту пронизывали воспоминания, недавно пережитое затмевало память о прошлогодних событиях. В самом деле, какими убогими представлялись теперь прежние денежные заботы, налог на жалованье, казавшийся молодым супругам сущей катастрофой, и даже многократно испытанная тревога, то и дело возникавшее опасение, что Флорана из национальной гвардии переведут в императорскую армию. И разве могли идти в сравнение бедствия первого иностранного вторжения с ужасами второго нашествия и бывшие несчастья с мучениями трех последних недель войны.

В мае Флоран потребовал, чтобы Лидия уехала с детьми из Парижа. Нигде, говорил он, не найти им более надежного убежища, чем у нее на родине, в Ланже, в кругу ее семьи: у папаши Флуэ, скромного коммерсанта, был дом в этом городке.

Лидия поселилась там, жила, терзаясь всякими страхами, ни на шаг не отпуская от себя своих дочек. Мучительные дни!.. Вестей или совсем не было, или они приходили такие искаженные!.. Дни полного неведения, томительного ожидания... Люди подолгу стояли на перекрестках улиц, на краю дорог, подстерегая слухи... И вдруг появились первые телеги перепуганных крестьян, погрузивших на возы детей, стариков родителей вместе с самыми ценными обитателями птичьего двора и домашним скарбом. Они ехали не останавливаясь, замороженные одной-единственной мыслью – уйти за Луару, и долгие летние дни благоприятствовали этому переселению. Горожане бежали за возами, спрашивали: «Вы откуда?» – «Из Марли, из Версаля, из Шатийона. Наши дома горят». – «А в Париже как?» – «Париж окружен». И когда беглецы уже отъезжали далеко, люди все еще стояли, застыв на месте, по-прежнему томясь неизвестностью. Лидия ломала себе руки. Париж! Флоран!.. Прошло еще несколько мучительных дней, и по дорогам хлынула армия – рокошущая, бессильная, полная отчаяния орда. Не армия побежденных, и даже не полчища беглецов, а просто расформированная армия. Защитники родины возмутились, не желая принять перемирия, на которое соглашался маршал Даву, и они стали нежелательными, их выгнали из Парижа, выслали за Луару, потому что правительство должно было очистить столицу перед тем, как сдать ее союзникам. Солдаты подчинились приказу и шагали теперь по дорогам. Лидия видела их отступление, люди проходили перед ней, озаренные веселым светом солнца, и громко кричали о предательстве. Все погибло.

Однако конец еще не наступил. Французские войска перешли Луару, заняли позиции на левом берегу реки. Но вслед за ними вскоре появились пруссаки, и население попряталось по домам. В щели между планками решетчатых ставен Лидия видела, как неприятель заполонил улицы городка, растекается по окрестностям и разбивает лагерь на правом берегу Луары. Ему теперь принадлежал и Ланже, расположенный у самой реки, но на той стороне, где находились пруссаки. Сколько это принесло смятения и панического страха. Безжалостные победители сразу дали почувствовать свое владычество. То тут, то там пламя пожара пожирало разграбленный дом, где еще трепетала в агонии на окровавленном ложе изнасилованная и зарезанная девушка... В безумном ужасе люди искали спасения у матери природы. Однажды ночью Лидия с маленькими своими дочерьми и ее родители крадучись вышли из дому и убежали в лес. Они оказались там не одни. Множество крестьян собралось в лесной чаще, как-то организовались, и несчастная человеческая стая вела там существование затравленных зверей.

Наконец тревога как будто улеглась. Беглецы, укрывшиеся в лесу, ободрившись, выбирают на опушку, смотрят, что творится в долине Луары. Но что это?! Вновь раздаются вопли ужаса, вновь пылают пожары – это бесчинствуют роялисты. В порыве верноподданнических чувств они режут и грабят население. Люди снова прячутся в лесную глушь.

Но вот Лидию разыскал нарочный и представился ей. Гонца прислал к ней Флоран. Слава богу, стало быть, он жив!.. Но что ж он пишет? В Париже спокойно. Флоран действительно

просит жену вернуться и привезти с собою детей. Лидия, не колеблясь ни секунды, решила расстаться с родителями. Только захватила с собою в качестве няни для своих девочек деревенскую девушку, дочь старой служанки госпожи Флуэ. Живо взяли напрокат фургон, наняли возницу, и Лидия уехала. Из столицы она бежала в провинцию, а теперь из провинции бежала в столицу.

Перегон за перегонем она все ближе подвигалась к Парижу. И на ее глазах страна принимала все более мирный вид. Она въехала в столицу, которую наводнили иностранные войска, но тут безопасно было ходить и ездить по улицам, и лавки не были заперты, а женщины по-прежнему носили перкалевые платья и шляпки а-ля Памела.

Дом ее не был разрушен, фасад остался нетронутым. Лидия вошла в ворота, поднялась по лестнице. Сердце у нее колотилось. Квартира оказалась занятой тремя австрийцами, но мебель стояла на своих местах. И на столе ее ждало письмо от Флорана. Так, значит, и для него, и для нее это жилище еще было их семейным пристанищем! Она распечатала письмо и помчалась в лагерь, указанный мужем. Вся в слезах, она бросилась ему на грудь. Он жив. Он обнимает ее! Он даже не ранен!.. Миновали, канули в прошлое черные дни.

Но через какие испытания довелось пройти самому Флорану? Он обо всем рассказал. Его злоключения были довольно необычны. Год тому назад, в марте, меньше чем через сутки после того, как он под командой маршала Монсея защищал заставу Клиши, ему пришлось, как только казаки вступили в Париж, регулировать, по согласованию с ними, движение на улицах. На этот раз судьба сделала еще более крутой поворот. В понедельник батальон Флорана, находясь в деревне Обервилье, стрелял в пруссаков, подходивших к Парижу, а в среду, еще покрытый кровью, пролитой в этом сражении, батальон получил приказ охранять столицу от французов – тех самых солдат, которых Лидия видела в Турени, когда они шагали по дороге, немного присмирив от дальнего пути и усталости; теперь их надо было сдерживать, зная, что они вне себя от негодования, заставить их пройти по Внешним бульварам из опасения, что это шествие в центре города окажет зловерное влияние; их изгоняли из тех кварталов, куда им удалось прорваться, по ним открыли огонь в предместье Сен-Мартен, на бульваре Тампль, у Нового моста и около Одеона.

Однако новое правительство еще не распустило по домам национальную гвардию, опору порядка среди бурных событий. Не так-то скоро квартирка Флорана и Лидии вновь станет мирным приютом, гнездышком любви. Сейчас она имеет иное назначение. В ней всего три комнаты – две большие и одна маленькая, да гардеробная, но расположены они на антресолях нового дома в прекрасном районе – на углу улицы Сент-Круа и улицы Жубера; окна глядят на небольшую площадь, на которую выходит задняя стена Бурбонского коллежа. Выигрышное расположение и послужило причиной реквизиции квартиры и размещения в ней трех унтер-офицеров оккупационной армии. Жаловаться на это не приходилось: могли попасться жильцы и похуже австрийских унтер-офицеров.

Все же присутствие победителей, по-хозяйски расположившихся в их доме, создавало тяжелую атмосферу; весьма чувствительны были также и расходы на питание постояльцев и уход за ними, это стоило куда больше, чем отпускаемое пособие для «возмещения убытков» в размере пятидесяти су в день. А главное, Лидия страдала от необходимости жить бок о бок с грубыми солдафонами, тем более что девочки ее были в нежном возрасте, их так легко напугать, а нервы их и без того расшатаны всем пережитым, приходилось опасаться и за молоденькую цветущую служанку, и, наконец, за самое себя: ведь муж не часто бывал дома.

Лидия с детьми и служанкой не выходила со своей половины – большой комнаты и прилегающей к ней гардеробной. Остальные комнаты они предоставили в полное распоряжение непрошенных гостей. Уходя из дому, Лидия всегда брала с собою дочерей или же посылала их с няней в какое-нибудь безопасное место, где им нечего было бояться. Хотя внешне поведение троих австрийцев нисколько не походило на те картины, которые врезались в память Лидии,

лучше было не искушать дьявола, оставляя в их власти невинных девчуток под охраною одной лишь Батистины, девушки преданной и смысленной, но такой свеженькой, миловидной в деревенском своем чепчике и очень еще молодой – ей шел двадцатый год.

Итак, из дому выходили все вместе. Ключи отдавали соседке, жившей на том же этаже, некой Рамело, женщине пожилой и много повидавшей на своем веку, свидетельнице Революции; уж ей-то трое австрийцев не могли внушить страха.

Вот такая жизнь ждала Лидию на улице Сент-Круа. Жизнь во многих отношениях горькая по сравнению с прошлым, жизнь чудесная после тех страшных недель, которые ей пришлось пережить. Прошло немного времени. Лидия опять взялась за воспитание дочерей, которое она поневоле запустила, принялась также школить Батистину. Иногда под вечер прибегал Флоран, но ни разу не мог остаться переночевать. Нередко Лидия и сама навещала его в батальоне.

Наконец настала долгожданная минута. Однажды утром, в ранний час, еще до рассвета, Лидия вдруг проснулась. Отогнав страшные видения, ее пробудил такой знакомый звонок у входных дверей. Несомненно, пришел Флоран. Она выбежала в ночной сорочке, закутавшись кое-как в шаль.

– Дорогая Лидия, мне дали отпуск. И, возможно, меня уволят вчистую.

Он сказал это с замечательным своим хладнокровием, и тут только жена заметила, что на нем штатское платье, а не мундир, в котором она столько раз видела его во сне смертельно раненным, истекающим кровью. Она стала упрашивать его отдохнуть, переодеться в халат. Напрасные слова – он сразу же приступил к житейским делам.

– Душенька, ведь это первый день я свободен с тех пор, как ты приехала в Париж. Выпей чашку шоколада, оденься, и мы с тобой пойдем в церковь к ранней обедне. А потом я повезу тебя на кладбище Мон-Луи. Меня уведомили, что наш мавзолей закончен.

И они отправились. Оборванную нить существования они связали крепким узелком в самой сердцевине опустошенной страны. Семейные традиции уцелели, несмотря на поражение, – они оказались более долговечными, чем целые армии. Мавзолей, о котором мог только мечтать Буссардель-старший, отец Флорана, перед тем, как отойти в лучший мир, теперь был воздвигнут, высился стройный и прочный среди развалин земной юдоли.

Флоран Буссардель дотронулся до руки своей жены, она не заметила этого, он сжал ей запястье.

– Приехали! – сказал он.

Извозчик пустил лошадей шагом; заняв место в веренице экипажей, кабриолет подкатил ко входу в сад Тюильри.

Лидия открыла глаза, увидела улыбающегося Флорана и спрятала лицо у него на плече, радуясь, что теперь уже всегда оно будет ей опорой.

– Я задремала. Извини, пожалуйста... Ведь я нынче встала очень рано.

Совсем очнувшись, она осмотрелась, увидела, где они находятся и кто на них смотрит. Тотчас же она выпрямилась как подобало и поправила ток. Но, должно быть, какие-то обрывки сновидений еще не изгладились из ее памяти, ибо она добавила грустным тоном:

– Боже мой! Вот так бы, кажется, спала и спала... Целые месяцы спала бы.

– Беденькая моя! – сказал Флоран.

III

Детей разыскали без труда. Лидия сказала няне, в какой части сада они должны играть, не выходя оттуда. Она хорошо знала Тюильри. Хотя ей уже целый год не приходилось бывать здесь, она полагала, что события не очень изменили вид этого парка и привычки его завсегдатаев; люди, любившие там прогуливаться, вероятно, опять завладели парком. И она не ошиблась в своих предположениях. Тем более что оккупационные войска очистили Тюильри: в конце июля ушел корпус графа фон Зитцена, расположенный здесь на бивуаках, а гвардия прусского короля, сменившая его в Париже, нашла себе более удобное место для стоянки. На золоченых пиках дворцовой решетки уже не сушилось выстиранное белье пруссаков. Тюильри вновь стал прежним Тюильри, то есть прекрасным садом, где каждый находил то, что ему нравилось, и где легко было избегать простонародья и бесстыжих женщин, для чего не следовало только заглядывать в некоторые уголки.

– Гуляйте между дворцом и той красивой аллеей, что идет к реке, – приказала Лидия няне.

Батистина, конечно, не посмела ослушаться хозяйки. Вдруг она увидела, как девочки, вырвавшись у нее из рук, побежали навстречу родителям, которых они заметили в толпе, и бросились в их объятия.

– Нам очень было весело! – объявили они.

Лидия с любовью глядела на них, целовала с нежностью. Она прекрасно знала, как они нуждаются в ласке и радостных впечатлениях, чтобы забыть страшные картины, которые они видели недавно. Они и в самом деле были хорошие дети. Старшей дочери, Аделине, шел седьмой год, но, верно, в тяжелые времена дети развиваются быстрее; сказывалась тут также и постоянная близость с матерью, снедаемой заботами, – словом, девочка казалась старше своих лет, была рассудительна, степенна и даже немного печальна, а маленькая Жюли при всей своей шаловливости легко поддавалась воспитанию.

– Маменька, – сказала Аделина, – а можно нам теперь покататься? Такие красивые колясочки, и в них запряжены козы!

Мать еще дома обещала доставить им это удовольствие, но потребовала, чтобы они дождались ее: она хотела сама сопровождать колясочки, боясь, как бы не случилось какой беды. Ведь она всегда теперь ждала самых страшных несчастий... Она повела дочерей к будочке. Флоран не пошел с ними.

– Я ненадолго отлучусь. У меня тут небольшое дело, – сказал он, указывая на террасу Фельянов.

Вернулся он очень скоро, как раз успел снять дочерей с коляски, на которой они торжественно восседали, и, поставив их на землю, спросил:

– Ну как, проголодались? Сейчас пойдем завтракать.

Девочки захныкали: «Так рано идти домой!» Отец сразу остановил их жалобы.

– А кто вам сказал, что мы пойдем домой? Папа поведет своих умных девочек в ресторан!..

Поднялся веселый писк. Жюли запрыгала от радости. Лидия, которая была посвящена в тайну предполагаемого кутежа, ожидала, что они пойдут в ресторан, которую ей рекомендовала доброжелательная соседка Рамело, – в двух шагах от Тюильри, возле Нового рынка.

– Нет, мы пойдем не туда, – возразил Флоран.

– Ах, друг мой, куда же?

– К Вери.

Наступило молчание. Имя ресторатора, конечно, ничего не говорило девочкам, а мать онемела, услышав его.

– К Вери? – переспросила она наконец. – Что ты, Флоран, ты верно, не подумал...

– Наоборот, прекрасно обо всем подумал. Мы пойдем именно к Вери. Надо хорошенько отпраздновать мое возвращение. Я уже попросил оставить мне столик. Не тревожься, – сказал он жене, понизив голос. – Я справился, какие у них цены.

– И что же?

– Можно себе позволить. Один-то раз! Дороговато, но зато у Вери. Теперь это очень модная ресторация. В особенности после перемирия.

Батистина собирала игрушки. Предложив руку жене, Флоран сказал:

– Говорят, там часто бывает маршал Блюхер. Может быть, нам посчастливится увидеть его.

– Не имею особого желания, – заметила Лидия, недовольно покачав головой. – Маршал Блюхер, подумайте!..

Она так радовалась, что война кончилась, и, оставаясь всегда и во всем женщиной, не могла по примеру многих мужчин смотреть на победителей просто как на удачливых защитников противного лагеря. Враги в ее глазах были врагами, то есть теми людьми, которые целились из своих ружей во Флорана, захватчиками, чьи сапоги, чьи кони топтали землю ее страны, притеснителями, которые тиранили милый ее сердцу тихий уголок, где она родилась. Нет, она не забыла этого. Она не принадлежала к числу тех легкомысленных дамочек, которые вот в этом самом саду Тюильри в день возвращения короля обнимали за талию англичан или пруссаков и тащили их танцевать, позабыв всякую гордость, всякую стыдливость и заботу о доброй своей славе.

Но Флоран смотрел на вещи по-другому. Он полагал, что противники прежде всего солдаты, и, несомненно, способен был заявить, что маршал Блюхер прежде всего маршал. Словом, у него были свои доводы, которые Лидия положила руку на сердце не могла признать сколько-нибудь основательными, тогда как ее молодому супругу они казались самой очевидностью. Флоран и раньше и теперь служил в национальной гвардии, а там обо всем умели судить беспристрастно.

Взойдя на террасу Фельянов, Лидия у дверей ресторана вновь заколебалась и отвела мужа в сторону. Как же быть с Батистиной? В обычной ресторации она могла бы сесть за стол вместе с хозяевами, так же как дома, потому что она кормила детей. Ну, а здесь? И притом лишний расход!.. – Возражения не смутили Флорана: перед расходами в такой день не стоит останавливаться. Лидия задумалась. Да разве можно привести в такое роскошное заведение девушку в фартуке, в деревенском чепце? Молодая мать обстоятельно и охотно обсуждала вопрос, она радовалась возобновлению таких приятных ее душе хозяйственных забот, говоривших о возвращении прежней жизни. Флоран, который в семье считался многоопытным парижанином, заверил, что присутствие за завтраком няни не будет неуместным, и заключил спор коротким замечанием:

– Это принято.

Против такого аргумента Лидия возражать не могла. Маленький отряд Буссарделей построился и вошел в ресторан.

Перед их взорами открылся первый зал, украшенный цветами, позолотой, облицованный мрамором, весь сверкающий зеркалами, но еще пустой. Не пришли ли они слишком рано? Расспросили кассиршу. Она объяснила, что обычно посетители приходят немного позднее: теперь в моде завтракать не раньше чем в полдень.

Флоран огорчился: в его знании света оказался пробел. Он предложил еще немного прогуляться по саду, но Лидия отказалась, сославшись на усталость, и сбросила с плеч бурнус. Все сели за стол. Девочки проголодались, но им велели потерпеть: если сейчас приступить к еде, то они уже успеют позавтракать к тому времени, когда явятся посетители, и придется освобо-

дить место. Флоран пока не стал брать у лакея меню. Все семейство сидело за столом, чинно положив руки на скатерть, и молча ждало.

Оживление в ресторане действительно началось лишь около полудня. Первыми явились иностранные офицеры – сразу же пришло четверо и сели за оставленный для них столик, неподалеку от Буссарделей. Оказалось, что это русские, все четверо очень высокие, в сверкающих золотом мундирах, но очень свирепого вида; они шли, звякая шпорами, и смотрелись в зеркала, висевшие по стенам. Усевшись за столик, они принялись разглядывать Лидию. Та осторожно отворачивалась. По возвращении в Париж она научилась держаться с холодным достоинством, обескураживая тех нахалов, которых нельзя было оборвать.

Время шло; почти все столики уже были заняты; через зал прошла группа каких-то мужчин в штатском. Лакеи и метрдотель чрезвычайно почтительно кланялись этим гостям. Они поднялись по лестнице, которая вела в отдельные кабинеты.

– Как будто знакомые лица, – заметил Флоран.

И он поманил к себе лакея.

– Кто эти господа?

Оказалось, что все они финансисты. Наклонившись, лакей прошептал Флорану на ухо их имена.

– Ого! – пробормотал Флоран, удивленно поднимая брови. И в свою очередь, наклонившись к Лидии, шепотом сказал: – Увар!..

Произнося это имя, он испытывал сложное чувство: тут было и подозрение, и осторожность, и суеверие, уважение, смешанное с неуважением, и многие другие смутные ощущения.

Лидии было известно, кто такой Увар. Хотя она и не воображала себя особой, сведущей в деловой жизни и в финансах, но ведь отец ее был коммерсантом, правда не очень крупным, в ее образование входило умение вести счетные книги, и она кое-что смыслила в хозяйственных вопросах. Она по-своему судила о финансистах, чьи имена встречала в газетах и о чьих предприятиях ей рассказывал Флоран, возвращаясь из ведомства. Да и вообще, вряд ли в 1815 году нашелся бы в Париже хоть один человек, ничего не слыхавший об Уваре. Вот уже двадцать лет под перекрестным огнем завистников, в облаках фимиама, воскуряемого почитателями, он занимал публику своей особой. Он то возносился на вершину славы, то попадал в немилость, бывал то банкротом, то богачом. Какое бы будущее ни ожидало Францию, но уж Увару-то, во всяком случае, судьба уготовила много неожиданностей. Флоран долго смотрел на ступени лестницы, по которой поднимался знаменитый поставщик провианта для армии.

– В финансовых делах началось оживление, – сказал Флоран, понизив голос. – Уж этот Увар! Живо выскочит на самый верх. А ведь помнится, он четыре года просидел в тюрьме.

– Но, мой друг, после того император приблизил его к себе. Значит, надо думать...

– Ну, что там!.. Такие господа как раз в тяжелые времена и процветают, умеют ловить рыбку в мутной воде. Обязательно появляются на сцене, когда хозяйство страны расшатано.

– А ты как бы хотел?

– Да хотел бы, чтобы не только им одним пенки снимать!

Буссардель-старший воспитал сына в правилах благоразумия и строжайшей честности. Достигнув высоких постов на службе в Таможенном управлении, отец хотел увлечь и сына на свое поприще. Но юноша обладал бойким характером, предприимчивостью и некоторым пониманием финансовых дел. Бесспорно, он проявлял в этой области изобретательность и высказывал правильные суждения. Пожалуй, он не без основания утверждал, что прекрасно усвоил дух времени. Словом, при таком незаурядном уме он мог позволить себе любые притязания, и отец согласился на то, чтобы сын пошел не по таможенной части, а поступил в фондовое управление. Новичок быстро продвинулся там. Первые и такие ранние успехи льстили ему, но отнюдь не утолили его аппетитов. В сердечных делах этот молодой буржуа с несколько чопорными манерами довольствовался спокойной привязанностью к собственной супруге, зато он

горел честолюбивыми вожелениями и имел все шансы добиться успеха, так как его честолюбие обращено было на чисто материальные блага, а вовсе не на первенство в духовном мире.

– Все-таки я поражаюсь, – сказал он жене. – Опять появился этот субъект и уже проталкивается вперед!

– Может быть, верно говорят, что у него большие дарования.

– Насчет этого не спорю!

Они выбрали наконец кушанья. Глава семьи принялся за устрицы, и все его домочадцы смотрели, как он отдирает их вилочкой от раковины, подносит ко рту, глотает. Лидия не любила устриц и боялась угостить ими детей. Батистине положили на тарелочку одну устрицу, но девушка не решилась попробовать.

Один из русских офицеров, сидевший напротив Лидии, по-прежнему вел себя дерзко. Он с многозначительным видом поднимал свой бокал и каждый глоток выпивал как будто в ее честь. Вскоре бедняжка Лидия от смущения не знала уж куда деваться. Пересесть на другое место она не решалась и не могла принудить себя отнестись, по примеру мужа, к таким выходкам равнодушно. Флоран говорил ей:

– Не обращай внимания. Будем осторожны. Ведь если произойдет хоть малейшая неприятность, виноватыми объявят не их, а нас.

Как раз в это время по лестнице спустился лакей, прислуживавший на втором этаже, и, подойдя к Флорану, спросил, как его фамилия, не он ли господин Буссардель.

– Совершенно верно. А почему вы спрашиваете?

– Да у нас там наверху, в гостиной с грифонами, компания завтракает, и один господин очень просит вас пожаловать к ним на минутку.

И лакей подал клочок бумаги, на котором карандашом написана была фамилия, ничего, однако, не говорившая Флорану.

– Это кто-нибудь из приятелей господина Уврара?

– Так точно, сударь.

– Боже мой! – испуганно прошептала Лидия.

– Отлично, – сказал Флоран. – Передайте, что я сейчас приду.

Лакей ушел.

– Ах, друг мой, – сказала Лидия, переменившись в лице, – ты говорил так громко! Наверное, Уврару передали твои слова.

– Полно, успокойся... Это еще не известно. А если бы даже и так – откуда узнали мою фамилию? Сейчас все выяснится.

Но сам все не вставал из-за стола. Лидия удивилась.

– А что же, по-твоему, я так сразу и побегу, будто лакей? Не знаю, что им от меня угодно, но будет совсем неплохо, если они немножко подождут.

Когда он наконец поднялся по лестнице и исчез в верхнем зале, Лидия на всякий случай велела Батистине сложить на соседний стул пальто всего семейства. Сама же она, вынув из ридикюля кошелек, достала оттуда монету и зажала ее в руке, приготовившись оставить деньги на столе, если придется прервать завтрак и, наспех расплатившись, уйти. Публики в ресторане прибавилось, так что малейший инцидент мог разрастись и иметь плачевные последствия. Дама, сидевшая за кассой, уже отсылала прибывавших посетителей в другой ресторан Вери, находившийся в Пале-Рояле.

Лидия ждала, терзаясь тревогой. Она не сердилась на Флорана за его неосторожные слова – она вообще никогда на него не сердилась. Если она вдруг ловила себя на том, что держится о чем-либо иного мнения, чем муж, то бывала только изумлена этим и, главное, удивлялась самой себе. Несогласия с его взглядами никогда не доходили у нее до критического к ним отношения, ей бы и в голову не пришло за что-нибудь его упрекнуть. Небо сделало ее спутницей жизни Флорана вовсе не для того, чтобы его корить, но для того, чтобы разделять с

ним все испытания. Такое она дала обязательство. К этому ее привели религиозное воспитание и семейные традиции, примеры, имевшиеся у нее перед глазами в провинциальной глуши, не знавшей ниспровержения устоев, не ведавшей распушенности нравов, несмотря на бури, бушевавшие в последние годы прошлого столетия.

Флоран наконец возвратился. И когда он проходил между столиками, лавируя среди суетившихся с подносами лакеев, лицо его сразу успокоило Лидию. Однако, сев на свое место, он не проронил ни слова. Плотнo сжав губы и полузакрыв глаза, он уставился рассеянным взглядом в одну точку – видимо, погрузился в какие-то размышления.

– Друг мой, – окликнула его Лидия. – Скажи мне только одно: что-нибудь плохое?

Флоран не шевельнулся, не отвел затуманенного взгляда от чудесных видений, возникших перед ним, только коротко ответил:

– Наоборот!

Лидия вздохнула с облегчением, сунула монету обратно в ридикюль и велела лакею подать волован, который по ее требованию держали на слабом огне. Она покорно ждала, когда Флоран сам все расскажет, – может быть, он не хотел говорить при детях и няне. Он наконец вернулся к действительности.

– Ну, давайте будем завтракать, – сказал он.

Девочки принялись за еду, не дожидаясь его приглашения, и восторгались вкусной подливкой. Флоран поглядел вокруг и увидел русских офицеров, о которых он совсем позабыл.

– Все-таки нельзя допустить, – сказал он, не повышая голос, но так явственно, что соседи могли его услышать, – нельзя допустить, чтобы меня принимали за человека, не имеющего чувства собственного достоинства. Душенька, сделай милость, пересядь на место Аделины.

Лидия несколько удивилась, но послушно поменялась местами с дочерью; теперь она сидела не по правую, а по левую руку мужа, спиной к русским офицерам. Флоран, наклонившись к ней, сказал:

– Мне предлагают выгодное место. С блестящими перспективами.

– Повышение?

– Нет, ты не понимаешь. Служить буду уже не в Казначействе, а в частном предприятии.

Лидия едва не вскрикнула от испуга. Неужели в предприятии Увара?.. И она даже не посмела расспрашивать дальше.

– Наверх меня пригласил некий господин Сушо. Он знал моего отца. То есть встречался с ним в Амстердаме, когда отец служил там контролером в Таможенном управлении. Сушо приходилось иметь с ним дела. А в прошлом году он несколько раз обращался к нам, в фондовое управление Казначейства. Я совсем его не помню – столько у нас бывает всякого народу! Но у финансистов великолепная память. Сегодня, проходя через ресторацию, он сразу меня узнал, а я его и не заметил. Словом, он встретил меня с распростертыми объятиями, с уважением отзывался о моем отце: «Такого добросовестного чиновника нынче не встретишь, юный друг мой», – вот его подлинные слова. Осведомился, чем я занимаюсь. Я ответил. Он спрашивает: «Что ж, вы решили всю жизнь прослужить в канцеляриях?» Я не знал, что сказать... Из армии я не освобожден, как же тут строить планы?.. «Если вы захотите перейти в частное предприятие, загляните ко мне. У меня есть кое-какие проекты, и мне нужны молодые люди, вроде вас». Любезно говорил, не правда ли? Я собрался откланяться, он на прощание познакомил меня со своими приятелями. Все люди значительные. Со всеми я обменялся рукопожатиями. И господин Увар протянул мне руку.

– Господин Увар? – переспросила Лидия.

– Ну да. Неужели я должен был отдернуть свою руку, – добавил Флоран через секунду, хотя Лидия больше ничего не сказала.

– Нет, друг мой... ты не мог отказаться пожать ему руку... Но...

– Что – но? Договаривай.

– Нет, я не решаюсь об этом судить, такие вопросы выше моего разумения. Я только хотела бы знать, что ты думаешь делать, чего ты хочешь...

– Прежде всего хочу поразмыслить... Они-то меня знают, а я их не знаю. Я со своей стороны тоже должен навести справки.

Он подозвал лакея.

– Скажите, любезный, что за кушанье вы подали нашим соседям? – спросил он, указывая глазами на русских офицеров.

– Фазан, сударь, только по-особому приготовленный, – ответил лакей. – Придумано лучшим парижским поваром.

Флоран без стеснения рассматривал дичь, которую разрезал один из офицеров. Кушанье очень аппетитное и роскошное. Такое блюдо, конечно, могли позволить себе только люди со средствами.

Подошел метрдотель и рассказал, как готовят это лакомое кушанье.

– Сударь, это великолепный откормленный фазан – такие подают за столом его превосходительства господина Брийа-Саварена. Фазан фаршированный. Для фарша берется мясо бекасов, мозг из бычьих костей и трюфели. А гарнир к нему – последняя новинка. В него входят: пюре из протертого ливера бекасов, шкварочки, трюфели и филе анчоусов. К гарниру добавляются ломтики померанцев.

– Хитроумное сочетание! – заметил Флоран. – И как же это кушанье называется?

– Фазан а-ля Священный союз. Блюдо очень нравится господам иностранным офицерам.

– Не удивительно! Ведь вот вы какое название ему дали.

Флоран бросил на жену иронический взгляд.

Метрдотель ответил с почтительной улыбкой, казалось напоминая о требованиях злободневной действительности. С конца сентября слова «Священный союз» были у всех на устах. Если они проникли в поварские изобретения, то это было не столько признанием факта, сколько лестью, и даже не столько лестью, сколько необходимостью.

Опытный парижанин не мог тут ошибиться.

– А скажите, – спросил вдруг Флоран, – долго это кушанье готовится?

– Нафаршированный фазан должен вылежать сутки, поэтому мы всегда их фаршируем заранее. Сейчас у меня на вертеле поджариваются три фазана. Надо только хорошенько подрумянить, выложить на блюдо и гарнировать. Через четверть часика можем подать на стол.

– Ну что же, милейший, почему бы и нам не попробовать фазанов а-ля Священный союз, раз вы не отдаете это кушанье в исключительное пользование победителей! Примите, пожалуйста, наш заказ на фазана.

И когда метрдотель удалился, Буссардель сказал жене:

– Видишь, дорогая, как иной раз полезно бывает потратиться. Ты вот спрашивала, стоит ли идти к Вери, это, мол, неблагоприятно. И что ж, мне думается...

Он не договорил. Вновь взгляд его устремился к лестнице. Меж двух колонн с лепными украшениями и позолотой открывалась взору алая ковровая дорожка, устлавшая ступени, которые вели наверх, в гостиную с грифонами, где собирались такие значительные посетители, где обсуждались финансовые комбинации, уже подготавливавшиеся там, над головами победителей.

Наконец Буссардели встали из-за стола, несколько возбужденные праздничной трапезой, и вновь услышали гомон толпы, увидели солнце в небе и гуляющих, нахлынувших в сад. Спустившись с террасы Фельянов, они растерянно озирались вокруг. Первыми оправились девочки.

– Папа, – спросила Аделина, – куда идут все эти люди?

Все прохожие двигались в одном направлении, к площади Согласия.

– Вероятно, идут на Елисейские Поля. Там стоят бивуаком казаки.

Жюли стала проситься на Елисейские Поля. Старшая сестрица предпочитала отправиться в Булонский лес; в английском лагере, утверждала она, гораздо веселее: там живут солдаты в юбках.

– В другой раз, – сказала мать. – В другой раз свезем вас посмотреть англичан, если, конечно, вы будете умницами.

Должно быть, Лидия считала, что за день она достаточно налюбовалась на иностранные войска. Но Флоран, по-видимому, не разделял ее чувств. В воспитании, так же как и во всем другом, он объявил себя сторонником новейших идей. По его мнению, картина русского лагеря, хотя бы и расположенного на французской земле, должна была заинтересовать любознательные юные умы. Для семилетнего ребенка было бы полезно запечатлеть ее в своей памяти: на старости лет Аделина и даже Жюли могли бы рассказать обо всем этом своим внукам. И семейство Буссардель направилось вслед за толпой прохожих.

Первые палатки казаков стояли уже у подножия мраморных коней Марли. По случаю воскресенья большинство офицеров уехало из лагеря в город: ведь некоторые роялистские салоны открыли для них свои двери. Правда, то были узкие кружки, но завсегдатаи их блистали титулами, изящными манерами, и у молодых московских офицеров, желавших познакомиться с парижским высшим светом, они имели большой успех. Благовоспитанные господа из предместья Сен-Жермен не отказывались заглянуть из вежливости на казачий бивуак с ответным визитом, но делали это только в будни: по праздникам знатные посетители предоставляли Елисейские Поля шумной толпе простых смертных и офицеры уже с утра исчезали из лагеря. Поэтому перед павильонами казачьих атаманов Буссардели не увидели сборища элегантных господ, так сказать, аристократических салонов под открытым небом; с июля месяца такого рода развлечения были признаны хорошим тоном. Но если лагерь кое-что утратил в отношении светского блеска, он выиграл в живописности и в оживлении.

Да и в сердечности тоже. Всем в столице русские были ближе, чем другие союзники, многие парижанки заявляли, что они влюблены в царя Александра, и все парижане знали, как обязаны и столица, и вся Франция его заступничеству на конференциях. Его выделяли среди всех победителей. Чувства, которые страна питала к нему, французы переносили и на его войска. Поэтому на Елисейских Полях царила приятная атмосфера дружеской близости, какой не было на других бивуаках. Казаки устраивали свои игры, теснившиеся вокруг любопытные охотно смотрели на них и аплодировали.

Лидии пришлось чуть не силой оттащить своих девчурок, с восхищением взиравших на борьбу, которую вели два великана с наголо обритыми головами. Даже на расстоянии, через несколько рядов зрителей, было слышно их прерывистое дыхание, шум борьбы, глухой стук, когда эти силачи падали на землю, пронзительные крики знатоков. В кругу любопытных женщины испуганно прятали лица на груди своих кавалеров, а мужчины, наоборот, поднимались на цыпочки, боясь упустить последние минуты схватки противников.

Флоран повел девочек смотреть ручного сурка. Маленький зверек, приехавший со своим хозяином из какого-то глухого уголка Урала, проделывал множество забавных штук, грациозных фокусов, а под конец брал в зубы деревянную чашку и, встав на задние лапки, собирал доброхотные даяния со зрителей. Они давали не скупясь – жители захваченного города не жалели своих грошей для оккупантов. И Буссардель-младший, в котором финансист уже брал верх над чиновником, не преминул высказать вслух свое наблюдение: французская валюта, которой предвещали крах, сохраняла свою ценность для победителей.

Малышка Жюли оказалась смелее своей старшей сестрицы. Присев на корточки, она стала гладить сурка – зверек охотно принимал ее ласки и не отходил от нее. Казак подошел, хотел взять сурка, девчурка и не подумала отодвинуться. Лидия и Батистина протянули было руки, Флоран остановил их. Казак тоже присел на корточки. Это был простой солдат, довольно молодой человек с каким-то странным изможденным лицом и серыми прозрачными глазами.

Он внимательно смотрел на Жюли. У нее из-под капора выбивались короткие шелковистые локончики, светло-белокурые, какие во Франции бывают только у маленьких детей. Казак смотрел на эти белокурые завитки, улыбаясь простодушной улыбкой, потом дотронулся до них пальцем, но, увидев, что девочка испугалась, накукурилась и готова уже расплакаться, отвел руку и ласково забормотал какие-то слова на своем родном языке.

Девочка, перепугавшись, бросилась к матери и уткнулась головенкой в складки ее платья. Аделина, изображая из себя взрослую особу, объясняла ей, что у солдата, верно, осталась на родине хорошенькая маленькая дочка.

Чтобы выбраться из толпы, Буссардели пересекли проспект и вышли к Каменной пристани. Тут оказалось тише, спокойнее, мало было гуляющих; в середине бивуака шум просто оглушал, как на ярмарке, сюда же он долетал глухо. Смотреть теперь оставалось только на лошадей, бродивших табунками в загонах или привязанных к коновязи, да на солдат, которые их чистили.

Можно было спокойно пустить детей играть одних с Батистиной. Справа слышался звонкий и мерный стук молота о наковальню: там под брезентовым навесом расположилась походная кузница. Звуки были привычные, какие раздавались в любой парижской кузнице, но тут их сопровождали незнакомые варварские песни.

Время шло. Короткий осенний день уже склонялся к вечеру. Флоран нашел на аллее Рейн удобную скамью, и они с женой присели отдохнуть. Лидия молчала. Она смотрела на палатки казаков, выстроившиеся у края сада, лагерь тянулся бесконечно, теряясь где-то вдаль.

– До какого же места он доходит, друг мой? – спросила Лидия. – До аллеи д'Антен?

– Мне говорили – дальше.

– Боже мой! Это ужасно!..

Голос ее дрогнул. И в самом деле, лагерю как будто конца не было. В дымке наступивших сумерек даль становилась обманчивой, и казалось, что бивуак тянется вплоть до холмов Шайо, захватывает всю эту часть Парижа. Лидия молча сидела на скамье, устремив глаза вдаль и устало ссутулившись, – день выдался такой хлопотливый, утомительный.

– Ах, Флоран! – вдруг сказала она. – Ах! Все это еще не кончено!

– О чем ты говоришь?

– Да о наших несчастьях, об испытаниях наших. Еще не пришел конец нашим страданиям.

Он взял ее за руки:

– Успокойся, что ты!

– Нет, – упрямо и жалобно повторяла она. – Я хорошо чувствую, друг мой, что это еще не конец. И чувствую и вижу. А ты? Неужели не видишь?

И она унылым жестом указала на огромный бивуак, на этот чужестранный город, врезавшийся в Париж. Зрелище это больше всего ее поразило. Она как бы представила себе всю величину бедствия, постигшего страну. При виде казачьего лагеря на Елисейских Полях ей вспомнилось, что в Амьене расположились англичане, в Ренне и Нанте – пруссаки, в Клермон-Ферране – баварцы, в Лионе и Марселе – австрийцы; эти лужайки, истоптанные сапогами неприятеля, навели ее на мысль, что пятьдесят восемь департаментов Франции оккупированы. На нее больше действовали факты, чем рассуждения, явные доказательства, чем рассказы свидетелей. Такова уж была ее натура – реалистичная и непосредственная. Даже ее добродетели примерной супруги и матери исходили из этого ее склада.

Наконец она завершила свою мысль:

– И как же среди всего этого думать о будущем своей семьи!

– О будущем семьи?

– Ну да, Флоран, – просто ответила она. – Этот мавзолей...

Флоран не сразу ответил. Он внимательно посмотрел на жену, на женщину, которую считал гораздо ниже себя. А вот, однако ж, зачастую она бросала какие-нибудь отрывочные слова, и вложенные в них мысли были необычными для положительного мужского ума и повергали его в смущение.

– Душенька, будущее нашей семьи не зависит от этого захваченного неприятелем сада – оно в нас самих.

Вновь наступило молчание. Лидия непроизвольным движением подобрала ноги и запахнула полы бурнуса. Потом подняла меховой воротник, посмотрела на свои часики и позвала девочек.

– Уже поздно, детки, – сказала она, вставая со скамьи. – Пора домой. Пойдем по улице Рояль. Застегните пальтишки и ступайте вперед с Батистиной.

Она говорила уже уверенным тоном, так как чувствовала сейчас больше уважения к себе. Муж взял ее под руку, и они пошли, удаляясь от набережной и от бивуака. Оба думали о мавзолее. Лидия считала его слишком просторным и роскошным, а Флоран находил, что эта гробница вполне соответствует желаниям его отца. В голове Лидии мысль работала все в том же направлении.

– Ты подумай только, – сказала она, не поднимая на мужа глаз, – подумай... ведь у нас нет сына.

Они молча шли все дальше, обогнули площадь Согласия, не рискуя пересечь ее с детьми, ибо по ней в беспорядке проезжали возвращавшиеся с прогулок парижане – верхом на лошади или в экипаже. Флоран размышлял над тем, что сказала жена. И вполне естественно было, что ему вспомнился отец, которого Лидия почти не знала, да и сам он не успел полюбить. Однако же в дни глубоких потрясений умерший получил над ним странную власть. Нежданно-негаданно он вошел в их жизнь через открытую дверь еще пустой гробницы.

Лишь после смерти Буссарделя-старшего стало известно о его желании приобрести для себя и для своего потомства в вечное владение участок земли на одном из новых парижских кладбищ, имеющем, следовательно, шансы на долгое существование, и построить на этом участке мавзолей. При жизни он провожал то одного, то другого из своих близких на старое кладбище Сент-Эташ, где находился первый весьма скромный семейный склеп Буссарделей. Человек он был молчаливый, угрюмый, рано овдовел, и житейский успех не прибавил ему жизнерадостности. Почти против своей воли он сделал карьеру, какая до 1789 года была недоступна людям, не обладавшим ни знатным именем, ни богатством. Он поступил в Таможенное управление, не имея честолюбивых планов и мечтаний, но благодаря счастливому стечению обстоятельств, нехватке людей, стремительному в то время ходу событий и несомненным собственным достоинствам трудолюбивого чиновника меньше чем за десять лет достиг высоких постов; после декрета, изданного в июле 1809 года, император назначил его контролером таможни в Амстердам, который стал третьим по своему значению городом наполеоновской империи. Между двумя войнами Флоран Буссардель женился в Париже. Отец его прослужил еще немного в Амстердаме и на пятидесятом году жизни умер там от грудной болезни. Человек, здоровье которого в течение двадцати пяти лет выдерживало самые невероятные испытания, не мог перенести на чужбине холодных туманов.

Быть может, он тосковал по парижскому небу. Такая догадка могла возникнуть при чтении его завещания, по которому он назначил крупную сумму для сооружения мавзолея на кладбище Мон-Луи. Так как покойный был честным человеком и не хотел совершать должностных злоупотреблений, то богатства он не нажил, скопить денег не успел, ибо умер рано и сыну оставил весьма скромное состояние. Сумма, назначенная отцом на вышеуказанные погребальные расходы, была непомерно велика в сравнении с наследством. Это не остановило Флорана: раз такова воля главы семьи, он должен ее выполнить. Еще не закончились формальности по вводу в наследство, кстати сказать весьма несложные, а по распоряжению сына уже

был заложен первый камень мавзолея. Флоран не был богат, Лидия принесла ему приданое самое незначительное, у них были дети, будущее казалось ему ненадежным, и все же Буссардель-младший рад был осуществить последнюю волю умершего. Это завещание задевало многие струны в его душе.

И вот теперь мавзолеем был достроен, а войны все еще не позволяли и думать о том, чтобы перевезти прах отца, и, таким образом, этот предусмотрительный человек обладал склепом, о котором мечтал, потомки его в мыслях уже распределяли там места, но сам завещатель все не мог туда попасть.

– Душенька, – сказал Флоран, когда они подходили к своему кварталу, – вот увидишь: будущее покажет, что отец был прав. Я единственный его сын, и на мне лежит ответственность за продолжение нашего рода, но с помощью Божьей мы с тобой, душенька, не дадим фамилии нашей исчезнуть.

И снова перед ним возникло смутное видение, тень младенца мужского пола, которого им необходимо произвести на свет. Флоран сказал, немного понизив голос:

– Мы сегодня собирались поехать в Итальянский театр – он уже открылся. А не лучше ли нам провести вечерок дома?

Лидия вскинула на него глаза, он улыбнулся, она густо покраснела и отвела взгляд.

Она ничего не ответила, только склонилась к нему и крепче оперлась на его руку: ей приятно было чувствовать, какой он сильный. Они шли молча, тесно прижавшись друг к другу; перед ними была единая цель, но для каждого она принимала иной облик. Флоран мечтал о взрослых сыновьях, чьи имена в будущем вырежут внутри часовни на мраморной, сейчас еще не тронутой доске. А Лидия мечтала о младенцах, думала о родах и крестинах, о кормлении грудью, об утомительных и сладостных материнских трудах, об опасных болезнях, подстерегающих детей.

Пересекли кольцо бульваров и, чтобы доставить удовольствие девочкам, покорно следовали за ними до улицы Мон-Блан, на которую они по своему почину свернули, а затем все не торопясь пошли обратно. Толпа прогуливавшихся парижан здесь поредела, и группы, которые попадались навстречу, состояли из более элегантных людей. Порой чья-нибудь красивая коляска, сделав крутой поворот, въезжала в ворота особняка, и тогда вдруг становилась видна сидевшая в ней нарядная пара. То и дело по улицам проходили прусские патрули, но никто не обращал на них внимания.

Аделина и Жюли цеплялись за нянину руку: они примолкли, по-видимому, обе устали и, возможно, уже перебирали в памяти события истекшего знаменательного дня, о котором обе потом долго говорили.

– А знаешь, – сказал Флоран жене, – по-моему, Жюли больше не стоит укладывать в нашей спальне. Она подрастает.

Лидия согласилась с ним.

– Что ж, можно перевести ее в гардеробную, пусть спит там вместе с Аделиной. А Батистина может ночевать на шестом этаже – ведь в мансарде нам отведено помещение для прислуги.

Они проходили теперь по улице Жубера. На фоне багрового заката четко вырисовывался силуэт Бурбонского коллежа. Красновато-оранжевый отсвет падал на фасады зданий, и за оградами садов еще не опавшие желтые листья горели яркими красками. Воздух здесь был чистый. Дул легкий ветерок. Прохожих почти уже не было. Начиная от площади Согласия их с каждой улицей становилось все меньше; на улице Жубера стояла тишина, только щебетали перед сном какие-то птички.

Чета Буссардель, предшествуемая детьми и няней, подошла к дому в ореоле закатного света, разливавшего волшебные краски вечерней зари.

IV

Потолки на антресолях были очень низкие. Флоран, мужчина довольно рослый, без труда доставал рукой «до верхних жильцов», как говорила Жюли, – для нее самым большим удовольствием было совершать такой же подвиг, для чего отец высоко поднимал ее на руках.

Один угол дома, выходящий на улицу Жубера, которая тут вливалась в улицу Сент-Круа, не пересекая ее, был срезан, и поэтому получилась маленькая треугольная площадка, где самую широкую сторону занимал Бурбонский коллеж. Фасад его был украшен фронтонами, нишами, колоколенкой с башенными часами, увенчанной католическим крестом, что говорило о первоначальном назначении дома: в его стенах обитала прежде община капуцинов с Шоссе д'Антен. За несколько десятилетий назначение этого здания неоднократно менялось, и в этих переменах всегда выражался дух времени, как любил говорить Флоран: до революции в нем помещалась церковь, затем монастырь, затем госпиталь, предназначенный для излечения постыдных болезней, а потом оно стало коллежем Бонапарта, который теперь переименовали в Бурбонский коллеж.

Два дома, стоявшие напротив него в виде срезанных прямоугольников, хотя и не являлись особняками отдельных семейств, были украшены кое-какими орнаментами, конечно в греко-римском стиле, так как построены были только в начале века.

Вся эта площадка имела довольно внушительный вид, соблазнивший Буссарделя, когда он после своей помолвки с Лидией искал себе квартиру. Но в новых домах квартиры были дороги, и ему пришлось ограничиться антресолями, состоявшими из трех комнат и гардеробной. Для молодых супругов этого было достаточно. Кое-какая мебель, полученная в наследство после Буссарделя-старшего (приобрести ее в большом количестве контролеру таможни мешали его постоянные разъезды), выглядела прекрасно; в этом скромном жилище с низкими потолками не заметно было отсутствие на стенах фамильных портретов. Лидия очень любила улицу Сент-Круа. Да и весь район ей нравился. Совсем близко находилось знаменитое в то время Шоссе д'Антен, где можно было купить все, что нужно для хозяйства, а сам квартал – тихий, спокойный, весь в садах, превосходный чистый воздух, что было весьма важно для детей. Соседи кругом приличные, в доме никакой сырости, окна обращены на юго-восток, и даже расположение комнат в квартире имело свои преимущества. Только в гардеробную надо было проходить через спальню, а двери остальных трех комнат выходили либо в переднюю, либо в коридор. Когда к ним вселили австрийцев, оказалось возможным до некоторой степени отгородиться от них. Спальня супругов была последней комнатой в срезанном углу дома, самой дальней от улицы Жубера. Как раз из нее открывался красивый вид на улицу Тиру и Большие бульвары. Сколько раз по возвращении в Париж, когда Флорана еще не освободили из национальной гвардии, Лидия, высунувшись из низкого окна, смотрела, не покажется ли он в дальнем конце улицы меж двумя рядами высоких домов. В рамке этого открытого окна появилась она и в понедельник, на другое утро после посещения кладбища. Но ее уже не томила, как прежде, тревога – в это утро молодая женщина в чепчике и капоте, перегнувшись через балюстраду, сияла счастьем.

Внизу из подъезда вышел Флоран, и она долго следила за ним взглядом. Когда он скрылся из виду за углом улицы Эгу, она все еще стояла у окна. Обычно она была очень деятельной в своем доме, а тут пододвинула к оконной амбразуре стул и устало опустилась на него; после ночи, проведенной в объятиях долгожданного супруга, ею овладела какая-то истома, лень было двигаться, она словно отяжелела.

Эта амбразура стала любимым ее уголком, она всегда присаживалась здесь, если могла улучшить минутку и отдохнуть. Два месяца спустя, как-то раз после обеда, она сидела тут, теперь уж у закрытого окна, – это было зимой. День угасал, но сумерки еще не наступили. Не слышно

было веселых голосов школьников, которые в четыре часа дня, как только раздавался звонок, гурьбой высыпали во двор коллежа; не проходил еще фонарщик, зажигающий уличные фонари.

Лидия поджидала мужа. Финансист Сушо, которого он встретил у Вери в начале октября, с того дня несколько раз приглашал его к себе. Но только две недели назад у них пошли серьезные переговоры. А в этот день утром господин Сушо, приятель Уврара, послал Флорану записку, вызывая его к себе на два часа дня.

Флоран возлагал большие надежды на эти переговоры. Став опять штатским человеком, он не вернулся в фондовое управление Казначейства – там происходила тогда реорганизация. Откладывалось возвращение к прежней рутине, которая, возможно, день за днем затянула бы его, и благодаря этой отсрочке тысячи замыслов роились в его голове. Впрочем, кто бы мог избежать заразительного воздействия лихорадочной атмосферы тех лет? В психологии каждого в той или иной степени сказывалось возбуждение, охватившее тогда всю страну, весь народ и палату депутатов, которая, не успев собраться и оглядеться, уже заявила о своем намерении изменить курс и действительно изменила его во всех отношениях и даже зашла в этом слишком далеко. В провинции еще не угас огонь раздоров, до заключения мира было еще далеко, не утихала вражда партий, сводились личные счеты, свирепствовали доносы. Наскоро зашивали раны на теле родины и пользовались для этого отравленной ниткой. Превотальные суды готовились действовать, пэры Франции – и среди них маршалы империи – уже отправили Нея на расстрел.

Беседы с финансистом Сушо сразу же покорили Флорана, но Лидия не отрешилась от обычной своей осторожности, – и сейчас она поджидала мужа со смешанным чувством надежды и страха. Наконец она заметила его в сумерках. Он шел к дому быстрым шагом и нес, прижимая к груди, что-то завернутое в белое.

Когда он подошел ближе, Лидия разглядела, что он несет горшок с цветами, обернутый в белую бумагу, и поняла, что Флоран идет с добрыми вестями. Значит, он наконец договорился с финансистом. Лидия вздохнула, потом улыбнулась. Она встала с кресла, опустила на окне занавеску, подержала над огнем, плававшим в камине, туго свернутую бумажную трубочку, с ее помощью зажгла масляную карселевскую лампу и поставила ее на круглый столик. Под железным абажуром фитиль разгорелся, пламя отбросило на потолок золотой диск, и по всей комнате разлился неяркий ровный свет. Сумрак отступил, сгустился в углах, вдоль карнизов и в глубине алькова, за кроватью.

– Вот, пожалуйста, – сказал Флоран, бросив на стол сложенный листок.

Он даже не успел снять шляпу, поцеловать жену, преподнести ей принесенный цветок. Он ворвался как вихрь. Лидия затворила за ним дверь и хотела было помочь ему раздеться.

– Нет, погоди, – сказал он. – Сначала прочти. – Поставив горшок с цветком на комод, Флоран снял шляпу и пальто с многоярусными пелеринами, именуемое каррик, потом сел в кресло и принялся стаскивать с ног сапоги. Лидия склонилась у лампы, держа в руках листок.

– Я не очень хорошо понимаю, Флоран.

– А кажется, все ясно. Чего ты не понимаешь?

– Да тут какой-то биржевой маклер заявляет, что он берет тебя на службу в свою контору. Кто же это такой? Ты никогда о нем не говорил. Я даже имени его не слыхала.

Привычным движением она, как и каждый вечер, подала ему мягкие туфли, но протянула их только одной рукой, а в другой все держала письмо. Потом села напротив мужа и добавила:

– А я думала, что это господин Сушо берет тебя в свое дело.

– И правильно думала.

Надев мягкие туфли и домашнюю куртку, развязав галстук, он наконец решился все рассказать жене. Она не все поняла. Выросшая в кругу провинциальной торговой буржуазии, она совсем растерялась, слушая рассуждения мужа, в которых он затрагивал такие широкие проблемы. Она запомнила только, что лица, сведущие в биржевых делах, предусматривали, что

в 1816 году будет в корне изменен устав, определяющий положение биржевых маклеров; что в этот устав включат специальные пункты касательно парижских маклеров, каковые пункты господину Сушо прекрасно известны; известно, например, наверняка, что биржевой маклер, который пожелает передать свою должность другому, обязан будет представить кандидатуру своего преемника на утверждение его величества и что, наконец, человек, притязавший на этот пост, должен отвечать трем условиям: пользоваться всеми гражданскими правами, иметь не менее двадцати пяти лет от роду, обладать четырехлетним опытом работы в конторе нотариуса или биржевого маклера. Относительно возраста и гражданских прав Флоран отвечает поставленным требованиям. Остается лишь одно условие: предварительный стаж. Понимает теперь Лидия?

– А разве речь идет о том, чтобы маклер когда-нибудь сделал тебя своим преемником? Ведь ты еще не служил у него!

– Ну, этот маклер или какой-нибудь другой. Сушо все определит в свое время. Он оставляет за собой выбор конторы, подлежащей передаче, и выкуп внесенного маклером залога. Разумеется, я предоставляю ему действовать по своему усмотрению. Такое счастье, что он берет в свои руки это дело и мое будущее!

И тут Флоран заговорил о вознаграждении, которое он будет получать.

Супруги сидели у круглого столика с доской из черного и белого мрамора, на которую падал свет из-под металлического абажура карселевской лампы. Этот мраморный полированный диск, блестящий, как зеркало, на середине комнаты, был в ней самым ярким световым пятном. Флоран удобно раскинулся в кресле и грел ноги, протянув их к камину. Лидия сидела на краешке стула, сложив руки на коленях. Она слушала очень внимательно, но, по-видимому, не все еще уяснила себе. Уклончивые объяснения Флорана сбивали ее с толку.

– Вот что, – сказала она. – Как я понимаю, этот господин Сушо, предусматривая перемены на бирже, о каких ты говорил, хочет, чтобы в будущем году у него был в подчинении маклер, которому он доставит должность на бирже... Нет, погоди, – добавила она, когда муж сделал жест, собираясь что-то ответить. – Погоди. Хорошо, ну, он просто хочет оказать поддержку новому маклеру, на которого может положиться, и помочь ему расширить свои операции. Верно, друг мой?

– Если хочешь, да.

– Ну так вот, мне кажется, куда проще ему самому занять эту должность, чем пользоваться подставным лицом.

– Да ты не знаешь самых азов биржевого дела! Маклер не имеет права производить за свой счет ни одной операции на бирже или в банке, и Сушо тогда пришлось бы отказаться от всех своих спекуляций.

– Своих спекуляций? – тихо переспросила Лидия, стараясь кротостью успокоить раздосадованного мужа. – Так он занимается спекуляциями? А ты мне никогда не говорил.

– А как ты думаешь, откуда у него деньги берутся? Разве ты не знаешь, как он широко живет, какой у него дом!

– Откуда же мне это знать, Флоран? Ты меня не познакомил с господином Сушо и ни разу не брал меня с собою, когда бывал у него.

– Ну разумеется. Тебе там совсем не место.

И сказав это, Флоран сразу прикусил язык.

– Ах, вот как? – воскликнула она.

Он видел, что Лидия с удивлением смотрит на него, и понял, о чем она думает: если общество Сушо не годится для порядочной женщины, то разве сам он заслуживает доверия порядочного человека, разве можно участвовать в его делах?

– Сушо – холостяк, – заметил Флоран. – У него иной раз бывают актрисы, танцовщицы...

Лидия встала. Ей больно было спорить с мужем, да еще в такой день, когда он вернулся домой веселым, довольным. Но еще тяжелее было скрывать от него свои мысли. Она не умела хитрить, держать про себя свои соображения, остерегаясь откровенно высказывать их, когда они ясно сложились в ее голове. Она была самой простодушной женщиной в мире.

Она прошла в полумраке за креслом Флорана, ласково провела рукой по волосам мужа и молча коснулась их поцелуем.

– Я тебе цветочек принес, друг мой, – произнес он через мгновение.

– Ах, боже! Ведь и правда! Какая я рассеянная! Вместо того чтобы надоедать тебе своими расспросами, лучше бы... Ну что за прелесть! Просто чудо!

Поставив горшок на столик, она развернула бумагу и с восхищением смотрела на кустик белого вереска с плоскими круглыми цветочками, похожими на сливочные помадки.

– Это капский вереск, – сказал Флоран, – его надо почаще выносить на воздух, поливать.

– Ну конечно.

Лидия захлопотала. Из шкафа, служившего буфетом с тех пор, как эта комната стала и спальней и столовой, достала расписную суповую миску, поставила в нее горшок и слегка полила кустик.

– Красивее всего, когда он стоит на угловом столике, – сказала она, переставляя цветок с места на место. – Но нынче вечером оставим его около лампы, я хочу им полюбоваться.

В тепле цветы запахи сильнее, и по комнате разлился крепкий сладковатый аромат. Лидия пододвинула свое кресло к креслу Флорана и, усевшись, протянула мужу обе руки:

– Как ты меня балуешь, друг мой!

Она с любовью смотрела на него и, может быть, любила его в эту минуту еще больше оттого, что поспорила с ним. С уст ее уже готово было сорваться признание в заветной тайне, но Флорана занимали совсем иные мысли, и он не заметил ее порыва. Он снова пустился в рассуждения; доводов ему было не занимать стать.

– Пойми, душенька, времена переменялись! Бывают в истории такие периоды, когда один год надо считать за два, и не только потому, что событий тогда случается множество. Но и в области идей происходят стремительные перемены. Мы сейчас находимся на повороте. Горе тому, кто этого не замечает, вздумает цепляться за старые системы и даст другим обогнать его. Ведь все изменилось. Дело не может идти так, как оно шло при Республике... И даже так, как это было при императоре, – добавил он, безотчетно понижая голос.

Намек на Наполеона вырвался у него не случайно. Воспоминания об императоре всегда жили в тайниках его души, но чаще всего ему приходилось их сдерживать. Как и все молодые люди того времени, Флоран не мог не поддаться наваждению, каким было царство Наполеона. Однако Флоран не сделал его своим кумиром. Он был свидетелем могущества человека, пленявшего многие поколения – даже те, которые его не знали, – но не принадлежал к числу его духовных сыновей, он не бывал в его походах и не получал от него никаких милостей. При Наполеоне он был мелким начинающим чиновником, а в национальной гвардии тоже занимал второстепенный пост – это предохранило его от фанатичного преклонения перед императором; карьера отца, сколь ни была блестящей, оборвалась рано, а посему чувство признательности и тщеславие не могли привязать семейство Буссардель к императорской колеснице. Воспитание, полученное Флораном, не подготовило его ни к воодушевлению на поле боя, ни к мечтам о власти над всем миром, ни даже к участию в том движении мысли, которое возглавляли писатели, уже ставшие знаменитостями. Он представлял собою полную противоположность молодым предшественникам романтиков и, намереваясь идти в ногу со временем, полагал, что наступившее время сотрет с лица земли стеснительные нововведения, появившиеся за последние двадцать пять лет. Родись Флоран на десять лет раньше, он при том же происхождении и том же воспитании, быть может, и был бы пламенным сторонником этих новшеств. Но в 1789 году он был трехлетним ребенком, к 18 брюмера – подростком, а возраста зрелости

достиг после коронации Наполеона. Он поступил на государственную службу, когда люди его среды, родственные ему по духу, как он это чувствовал, уже начинали страшиться головокружительного взлета Франции и желали, чтобы деловая жизнь в стране наконец оживилась. Под влиянием этих практических умов, их критики существующих порядков и завершилось его духовное развитие. Оно было плодом последних лет императорской власти, и вступление этого молодого человека в зрелую пору жизни совпало с моментом крушения империи.

– Я несколько не сомневаюсь, что ты прав, друг мой, – сказала Лидия. – Ты же знаешь, как я полагаюсь на твое мнение. Я вовсе не думаю, что в этих вопросах больше смысла, чем ты... Я никогда не забываю, что я самая обыкновенная провинциалка.

Лидия улыбнулась, произнося эти слова, а Флоран, как будто желая на этом закончить разговор, поднес к губам ее руку и приник к ней поцелуем.

– А что ж детей не слышно? – спросил он. – Где они?

– У соседки. Бедняжка Рамело томится бездействием и частенько предлагает мне позаниматься с девочками. Я решила принять ее предложение, по крайней мере на сегодня. А Батистину отправила на кухню готовить обед. Мне хотелось одной встретить тебя.

Она помолчала секунду и, видя, что муж ничего не отвечает, dokonчила дрогнувшим голосом:

– Мне тоже надо кое-что сказать тебе...

– Вот как? – произнес он, закидывая поудобнее ногу на ногу. – Какие же у тебя новости?

Она отвела взгляд, краска бросилась ей в лицо, но Флоран все еще не понимал. Тогда Лидия поднялась и, опершись обеими руками на подлокотники его кресла, наклонилась и что-то прошептала Флорану на ухо.

Он сразу выпрямился и схватил ее за руки.

– Ты уверена?

– Да, друг мой.

Голос ее звучал мягко; покорясь рукам, сжимавшим ее руки, она склонила голову на плечо мужа.

– Я все ждала, не была уверена. Но теперь уж нет сомнений.

– Сколько же?

– Третий месяц.

– Значит, когда я вернулся домой, – прошептал он. – В то воскресенье...

Он привлек ее к своей груди и крепко обнял, он целовал ее в лоб, в щеки, в губы, трепетавшие под его поцелуями. Он и смеялся, и полон был умиления; а она, смущенная, взволнованная, готова была плакать от счастья.

– Любимая моя! – шептал он. – Моя Лидия, жена моя! Как я тебя люблю! Как жизнь хороша, как она милостива к нам!

И в эту минуту в прихожей хлопнула дверь, открытая чьей-то сильной рукой. В тихой квартире раздались тяжелые шаги: трое мужчин, обутые в сапоги, направились к комнате, соседней со спальней супругов; послышался гортанный и тягучий говор. Затем пришедшие с громким пыхтеньем тянули и сбрасывали на пол что-то тяжелое – это австрийцы снимали с себя сапоги.

Чета Буссардель, стоявшая посреди комнаты, слышала все это, но не разомкнула объятий. Но вот из коридора донеслись другие, более мягкие шаги. Несомненно, Батистина собирается накрывать на стол. При этих мирных, домашних звуках супруги отошли друг от друга.

Чтобы освободить место, Лидия переставила цветок на угловой столик, передала лампу мужу, достала из шкафа скатерть и, развернув ее, перебросила один конец через стол подошедшей служанке.

V

– Нельзя ли... нельзя ли убрать отсюда эту гравюру? – слабым голосом попросила Лидия.

Рука ее, глянцевая от испарины, как полированная слоновая кость, упала на смятую простыню. Жена Буссарделя-младшего с середины дня мучилась родовыми болями. Тщетные страдания! Роды все не наступали.

– Сейчас, милочка, – послушно сказала Рамело.

Эта благожелательная соседка, искушенная во всех испытаниях, выпадающих на долю женщин, при любых обстоятельствах бывала на высоте положения, и тут она добровольно взяла на себя обязанности сиделки при Лидии. Сначала для нее вполне достаточно было помощи Батистины. Но наступили вечерние часы, муки матери все усиливались, а между тем организм ее не отвечал на них должным образом. В доме все встревожились. Рамело вспомнила о почтенной и знающей повивальной бабке, за которую она вполне ручалась. За ней было послано. И теперь ее ждали.

Кроме того, Рамело любезно предложила отвести девочек в ее квартиру. Там они были достаточно далеко, чтобы крики матери не доходили до них; присматривать за ними взялась другая соседка.

– Сейчас уберу картинку, – сказала Рамело. Она прошла за кровать и сняла со стены гравюру в рамке, повешенную в алькове для украшения. Это была благочестивая картина, некогда полученная Лидией в пансионе «в награду за успехи и примерное поведение»; выйдя замуж, Лидия привезла ее с собою вместе со всей обстановкой своей девичьей комнаты. На картине изображен был Страшный суд, в преисподней, представлявшей собою нижнюю часть композиции, кишмя кишели грешники и грешницы. Фигуры этих мертвецов, терзаемых адскими муками, по-видимому, пугали роженицу.

Рамело положила гравюру на столик и вернулась к постели. Лидия застонала. Просунув руку под одеяло, Рамело осторожно ощупала ей живот. С жалобными стонами роженица вглядывалась в наклонившееся над нею лицо, полное сосредоточенного внимания. Но в ответ на этот испуганный, вопрошающий взгляд Рамело только улыбнулась ей успокоительно; видя, что она тяжело дышит, что на лбу у нее выступили капли пота, она смочила мягкую тряпочку розоватым туалетным уксусом, провела ею по вискам Лидии у края чепчика, потом за ушами, по шее и верхней части груди. Вскоре боли стихли.

– Что Флоран делает? – спросила Лидия, переводя дыхание. – Почему его нет здесь? Который час?

– Буссарделя я послала в аптеку, ведь Батистина каждую минуту может мне понадобиться. Он сейчас вернется... Который час? Да уж одиннадцатый. Вам, поди, душно? – добавила Рамело, раскачивая створку распахнутого окна, чтобы в комнату влилось хоть немного вечерней прохлады.

С улицы доносились обычные городские шумы. В летний вечер люди любят постоять на пороге своего дома. Слышны были неторопливые разговоры.

– Рамело!.. – тихо позвала Лидия.

– Что, голубушка?

Рамело в сотый раз подошла к алькову. Со дней Революции она сохранила и даже несколько подчеркивала привычку называть людей просто по фамилии и требовала, чтобы и к ней так обращались. Впрочем, такая манера шла этой пятидесятилетней резкой, прямолинейной, непосредственной женщине, гордившейся своей прямоотой, особе черноволосой, смуглой, с весьма заметным темным пушком над губой. Она придерживалась повадок и даже покроя платья, царивших в прошлое столетие. С трудом отвыкла она от обыкновения говорить со всеми на ты, которое пустила в ход газета «Меркюр насиналь», когда Рамело было двадцать

пять лет, и так и не признала новой моды на гладкие юбки без сборок и складок; ни за что на свете не отказалась бы она от чепца а-ля Шарлотта Корде, в котором с возрастом стала походить на мужчину, перерядившегося женщиной. Она носила такой чепец и зимой и летом и, полагая, что платит достаточную дань моде, изредка меняла цвет и материал ленты, украшавшей его. Когда ее корили за это пристрастие, она сердито отвечала, что кокетство, по ее мнению, черта презрения и в ее время женщины не нуждались в таком оружии. Но говорила она это не вполне искренне, ибо оставалась верна не столько эпохе Декларации прав человека, сколько поре своей молодости, – тут бывшая патриотка не так уж отличалась от тех старых дев, которые, упорно желая скрыть свое одиночество и увядание, наряжаются в старомодные одеяния, какие они носили в двадцать лет.

– Рамело... дорогая! – шептала Лидия. – Пока мы одни, поговорите со мной откровенно. Ничего не скрывайте. Вас удивляет мое состояние, да? Дело совсем не движется. Верно? Что со мной? Заклинаю вас, скажите правду!..

– Ничего, ничего, милочка. Лежите себе спокойно, не расстраивайтесь. Что вы там еще выдумали?

– Ах, зачем вы говорите со мной как с маленькой? Подумайте, ведь я уже два раза рожала. Я хорошо помню, как тогда себя чувствовала, поэтому-то я и тревожусь: оба ребенка дались мне так легко. Что же сейчас-то со мной?

Прерывисто дыша, она приподнялась и схватила за руки свою приятельницу. Лучше уж было ответить ей, не давать ей так волноваться.

– Прежде всего, – сказала Рамело, – ребенок, как видно, необыкновенно крупный. Вы это уже знаете и, конечно, можете только гордиться этим. Сколько ваши дочери весили, когда на свет появились?

– Аделина – семь с четвертью фунтов, а Жюли – восемь.

– Ну вот! А теперь ждите здоровяка фунтов на десять с половиной, а то и больше... Я даже подумываю... Во всяком случае, он больше своих сестриц, это уж наверняка.

– Все это не объясняет...

– Погодите, дайте договорить!.. К тому же очень много вам пришлось пережить. Столько волнений было за последний год, столько страхов! Не по вашей они натуре. Да еще и пища была скудная, плохая, когда вам нужно было кушать вдосталь. Вот силы-то у вас и подорвались, и нервы расстроились. Эх, будь вы такая же выносливая, какими были мы лет двадцать назад, – другое дело. Я вот, честное слово, собственными своими глазами видела, как одна гражданка родила на празднике Федерации и вернулась домой с младенчиком на руках. Вот это были женщины!

Вспоминая пережитые времена Революции, Рамело умолкла, глядя вдаль затуманенным взглядом, и тихонько покачивала головой, не замечая, что у Лидии опять начались боли. Но при первом же ее стоне Рамело возвратилась к своим обязанностям, засуетилась, хлопотала, давала советы, уговаривала, успокаивала.

– Ну, хотите, скажу вам, куда Буссардель отправился? – сказала она в заключение. – Пошел за повивальной бабкой. Очень знающая повитуха!

– Боже мой! – со стоном сказала Лидия, и чувствовалось, что она уже теряет силы от своих мучений. – Боже мой! Какая-то неизвестная женщина...

– Ах нет! Моя приятельница. Сколько раз она при мне принимала роды. Во всем Париже не найдешь такой опытной повитухи. Ей на улице Анфер золотую медаль выдали. Успокойтесь, пожалуйста. Напрасно я с вами столько разговариваю, утомляю вас...

Через четверть часа раздался звонок – возвратился Флоран. Батистина, надевшая мягкие туфли, чтобы шагов ее не было слышно, прокралась по коридору из кухни к входной двери. Флоран вошел в спальню в сопровождении повивальной бабки. Рамело взяла ее под руку и подвела к постели. У порога стояли муж и служанка, оба вежливо улыбались, словно хотели

помочь первому знакомству страдающей роженицы с той женщиной, которая могла избавить ее от страданий.

Лидия протянула руки к этой почтенной особе и ухватила за ее руки, сжимая их крепко, до боли. Таким же движением молила она о помощи и Рамело, но на этот раз слезы полились у нее из глаз и, хотя в эту минуту схватки отпустили ее, она не в силах была говорить.

– Полно, полно, – сказала повивальная бабка в качестве вступления. – Давайте-ка посмотрим...

Она повернулась к Флорану и, подняв брови, многозначительно посмотрела на него, предлагая ему этим взглядом удалиться.

– Я бы лучше остался, – сказал он. – Ну хоть пока вы осмотрите ее. Мне хочется знать...

Вмешалась Рамело:

– Вы все будете знать. Ручаюсь. Отцу не следует быть при родах.

И она подтолкнула его к прихожей. Чувствуя себя неловко перед этим женским ареопатом, он покорно подчинился изгнанию и вышел бочком.

«Куда же мне деваться?» – думал он в смущении, озираясь вокруг, словно прихожая была для него местом незнакомым.

Ведь квартира еще не была свободна, и Париж еще не освободили... Весной три австрийских офицера съехали, но добрая слава, которую улица Сент-Круа заслужила своим радушием, привела к тому, что бюро реквизиции прислало вместо них нового постояльца. Присланный лейтенант один занимал две комнаты, а его денщик, исполнявший также обязанности конюха, помещался в конюшне вместе с его верховой лошастью... Семье Буссардель по-прежнему приходилось довольствоваться спальней и смежной с нею гардеробной.

– Посидите в гостиной, – сказала Рамело Флорану. – При таких обстоятельствах – можно. Хотите, я поговорю с лейтенантом?

Она с решительным видом вошла в гостиную, за ней последовал Флоран. Рамело через дверь спальни объяснила положение дел австрийцу, который еще не лег в постель. Он тотчас вышел, застегивая на ходу свой доломан, из уважения к хозяину и к причине его посещения. Усадив Флорана на софу, офицер тоже сел и принялся расспрашивать его, изыскивая по-французски с трудом и очень медленно, но с большой словоохотливостью. Рамело, встав на скамеечку для ног, зажгла свечи в бронзовых бра. Флоран молча смотрел на ее хлопоты и по этим заботам о его материальных удобствах лучше понял, что положение серьезное и, возможно, ждать придется долго; обратившись к квартиранту, он сказал, что хоть его общество и чрезвычайно приятно ему, Флорану Буссарделю, но он просит господина офицера не считать себя обязанным бодрствовать вместе с ним. Австриец, желая щегольнуть своими лингвистическими познаниями и благовоспитанностью в той форме, какая была принята в его стране, старательно подыскивая французские слова, соперничая с ним в учтивости, опять пустился в разговоры. Появление Батистины, принесшей им по распоряжению Рамело поднос с легким ужином, не остановило этого состязания в вежливости. Напротив, поданная закуска послужила поводом к новым любезностям; и, в то время как в доме волнение все возрастало и люди готовились к тому, чтобы бессонной ночью вести борьбу за человеческую жизнь, двое мужчин, которых все разделяло, полуночничают за накрытым столом, беседовали, усердно соблюдая правила хорошего тона, принятые в обществе.

Лейтенант прежде всего спросил о состоянии Лидии. Из этой комнаты явственно были слышны ее крики. Он расспрашивал молодого отца, какие обычаи соблюдают французы при рождении ребенка. И в свою очередь рассказывал о нравах, установившихся в Австрии. Он знал старинные традиции, так как жил не в Вене, а в моравской провинции, в окрестностях Брюнна, где у его родителей было имение.

Флоран слушал его с неподдельным интересом и отвечал без всякой задней мысли. Уже давно определенный класс парижского общества жил в добром согласии с союзниками. Когда-

то они были врагами, потом стали победителями, потом – оккупантами, а теперь в них парижане известного сорта склонны были видеть своего рода иностранную полицию, которую приходится терпеть в силу обстоятельств; в некоторых кругах, где кичились прямой суждений, всегда находился какой-нибудь «поборник справедливости», отрицавший жестокие действия и беззакония оккупантов. Разве вступление союзных войск во Францию не является возмездием за долгие годы разрухи и кровопролития? И пусть иностранные войска находятся в стране подольше, ибо их пребывание гарантирует, что роковой режим второй раз не воскреснет. Вот что любили говорить господа, спешившие возродить деловую жизнь, и такие речи Флоран все чаще слышал вокруг себя. Каковы бы ни были его потаенные мысли, он умел, как и многие парижане, в беседе с офицерами союзных войск избегать опасных поворотов. И когда австриец, описывая пейзаж того края, в который он собирался возвратиться, как только кончится оккупация, упомянул, что за последние десять лет моравские холмы дважды изведали нашествие французов, Флоран живо увильнул в сторону и перевел разговор на менее скользкую тему: он вытащил на сцену герцога Ришелье, которого союзники весьма уважали. Вскоре на столе уже почти ничего не осталось, а беседа о герцоге только еще началась, но тут вдруг раздвинулись портьеры и на пороге показалась Рамело.

Уведя Флорана в прихожую, она тщательно затворила все двери и шепотом заговорила с ним. Свеча, горевшая на столике, у стены, слабо освещала эту сцену, большие тени обоих шептавшихся людей дрожали на низком потолке и, переламываясь в углу, вытягивались к полу. Разговор обрывался, когда из-за неистовых криков роженицы невозможно было что-нибудь расслышать и понять. Ее вопли, нарушавшие ночную тишину, переходили в протяжный вой. Он звучал то выше, то ниже тоном, прерывался выкриками, то замирал, то усиливался, словно в каком-то дикарском заклинании. Но как только вопли стихали, в прихожей опять начинали шушукаться. Тайное совещание вновь прерывалось, когда из комнаты, где разворачивались события, выскакивала Батистина. Она пробегала бесшумно в мягких своих туфлях, не поправляя пряди волос, выбивавшиеся из-под чепца, и приносила из кухни то лохань, то кувшин с дымящейся горячей водой. Рамело придерживала створку двери и, затворив ее за Батистиной, поворачивалась к ошеломленному, застывшему Флорану.

– Ну как же, Буссардель?

Он не отвечал, вдруг утратив обычную свою самоуверенность, озабоченно хмурился. Очевидно, его подавляли происходившие события, – события, в которых он уже не мог принимать никакого участия, ибо они совершались сами по себе, а между тем от него требовали вмешаться в них. Дверь в спальню снова отворилась, но на этот раз вместо Батистины в передней появилась повивальная бабка. Она подошла к стулу и, тяжело дыша, опустилась на него, словно позволила себе передохнуть среди утомительного труда. Рукава у нее были засучены, голова повязана платком, кончиками вперед. Вся мокрая от пота, она шевелила онемевшими пальцами, потом принялась растирать себе запястья.

– Ну как? – спросила она в свою очередь Рамело. – Ты поставила отца в известность? Как он решил?

Флоран указал на отворенную дверь, знаком призывая к осторожности. Повивальная бабка пожала плечами.

– Она сейчас ничего не в состоянии услышать.

– Не в состоянии? – переспросил Флоран. – Ведь она перестала кричать.

Он хотел было войти в спальню. Повитуха ухватила его за полу сюртука и повторила:

– Ну как же?

Из спальни вдруг раздался отчаянный возглас.

– Помогите! – кричала Батистина. – Помогите! Скорее!

Толстая повитуха сразу вскочила и бросилась в комнату, вслед за нею помчалась Рамело, и дверь захлопнулась.

Флоран не сводил глаз с этой двери, с этой невысокой створки, которая то и дело отворялась, но для других, а ему не давала доступа в комнату, где решалась судьба его семьи. Взгляд его приковывала к себе поперечная линия, разрывавшая покраску двери, вызванная, вероятно, трещиной в филенке. «Покоробилось дерево, – подумал он, – надо сказать, чтобы оконной замазкой промазали щель». А может быть, удастся что-нибудь увидеть в эту щель? Только бы дверь не отворили сейчас... Он сделал шаг, устремив взгляд на дверь, но вдруг она распахнулась – и на пороге появилась Рамело, сама на себя непохожая; Флоран никогда еще такой ее не видел. Глаза ее выражали ужас, подбородок дрожал. Куда девалось ее обычное спокойствие! А вновь раздавшиеся стоны, сопровождавшие ее появление, тоже стали иными – хриплыми и звучали слабее от изнеможения. Совсем не было похоже на прежние роды – тогда в решающую минуту все проходило по-другому.

– Ну что? – спросил Флоран. – Что происходит?

Рамело хотела было ответить, но стоны, доносившиеся из алькова, которого не было видно, заглушали ее слова, и казалось, что стонет та женщина, которая стоит на пороге комнаты и шевелит губами. Ничего не понимая в этой путанице, Флоран болезненно морщился. Что говорит Рамело? Она, не оборачиваясь, протянула руку и затворила дверь; стоны звучали теперь глуше, и Флоран расслышал самое главное: опасения акушерки оправдались. Нужно немедленно принять решение – жизнь матери в опасности.

– Что, что? – недоверчиво переспросил он. – Вы, вероятно, преувеличиваете.

Он оставался рабом своего характера, он требовал доказательств, уточнений. Время не терпело отлагательства, а Рамело приходилось все разъяснять Флорану. Благодаря искусным действиям повивальной бабки уже показался ребенок, то есть первый из близнецов, ибо, несомненно, должна родиться двойня. У первого ребенка ягодичное положение, это мальчик. Но схватки прекратились, обычными средствами больше ничего сделать нельзя, природа отказывается помочь; мать ослабела, и от этого страдает ребенок. Необходимо немедленное вмешательство: или пожертвовать ребенком, извлекая его, или наложить щипцы. А наложение щипцов, когда роженица так ослабела, изнурена, грозит ей смертью...

Но Флоран с унылой покорностью склонил голову, словно выбор решения, который по праву и обычаем возлагался на мужа, был ему продиктован заранее некой высшей силой. Рамело в глубокой тревоге приоткрыла дверь – посмотреть, что творится в спальне, и тогда Флоран отшатнулся: он услышал голос Лидии.

– Господи! – молила она задыхаясь. – Господи, сжался надо мной! Сделай же, сделай так, чтобы мне не мучиться больше.

Она пробормотала несколько латинских слов и вдруг в порыве отчаяния воскликнула:

– Да помогите же мне!

Рамело схватила Флорана за плечо, с силой тряхнула его. Он закивал головой с таким видом, будто хотел сказать: «Да, да. Я сейчас объявлю свое решение!» Очевидно, оно уже не вызывало у него сомнений, он сомневался лишь в том, что положение так опасно: женщины трагически относятся ко всему, что зависит от них, сгущают краски... Наконец он собрался с духом и беззвучно пошевелил губами. Рамело приблизилась вплотную, встала на цыпочки, подставила ухо и, получив наконец ответ, вздрогнула. Подняв голову, она поглядела мужу Лидии прямо в глаза и выпустила его плечо. Через мгновение она скрылась в спальне.

– Присядьте, сударь, – сказал австриец, когда Флоран вошел в гостиную. – Вы побледнели. Выпейте вина.

Флоран рухнул на софу, взял протянутый ему бокал. Обрадовавшись случаю показать себя человеком сострадательным и образованным собеседником, австрийский лейтенант не собирался молчать.

– Такие минуты, господин Буссардель, всегда являются тяжелым испытанием – и не только для матери, но и для отца. Надеюсь, никаких осложнений нет?

Флоран ответил, что напротив, имеются осложнения, сообщил, что будет двойня, а неправильное положение ребенка, который первым должен появиться на свет, вынуждает акушерку наложить щипцы.

– О-о! – протянул офицер. – Но, вероятно, акушерка у вас опытная.

Флоран уныло махнул рукой: увы, опасность исходит от тяжелого состояния матери. На этот раз он не стал прибегать к уклончивым оборотам, а говорил напрямик, вспоминал все, что Лидии пришлось увидеть и пережить за истекший год, все, что заранее подготовило угрозу ее материнству. Нет, нет, он не заблуждается: положение крайне опасное для матери. Но после такого утверждения Флоран умолк, не сказав, как можно было бы устранить эту опасность. И вот так установилось не правдивое, не ложное, а только туманное объяснение рокового события, о котором отцу пришлось в дальнейшем рассказывать много раз многим людям, и создавалось оно почти без его стараний – просто потому, что он кое о чем умолчал в этом первом опыте объяснения, давая его первому слушателю еще до того, как произошло несчастье. Флорану больше не понадобилось разглагольствовать. От этого его избавляла полуложь, сказанная им в этой гостиной, стены которой видели, как счастливо жила тут молодая чета в первые весенние дни супружества.

Убранство этой гостиной, воспоминания, которыми она была полна, вдруг предстали перед его глазами с такой силой, что он невольно посмотрел вокруг внимательным взглядом. Австрийский офицер, расположившийся в этой комнате, почти ничего здесь не изменил. Только его подставка для трубок и коробка с табаком, стоявшая на столе, заняли место любимых безделушек Буссарделей, переселившихся отсюда в спальню.

Стены были обтянуты лощеным ситцем кремового цвета с маленькими зелеными пальмами. На тисненном бархате обивки дивана и кресел повторялся тот же узор, но в более ярких тонах. Часы, стоявшие на камине, свадебный подарок, украшены были позолоченной фигурой: время, изображенное в виде полунагого дряхлого старца, сидит на низком верстовом столбе, сплетая венок из иммортелей и отложив в сторону свою роковую косу. Напротив камина – застекленный шкаф с книгами в красивых переплетах и двумя небольшими бронзовыми бюстами – Александра Македонского и Юлия Цезаря. Под пару шкафу – застекленная горка, в которой хранились безделушки – подарки, полученные Лидией по разным поводам: по случаю рождения старшей дочери, потом младшей, в годовщину свадьбы; когда уехали унтер-офицеры и вселился лейтенант, все эти безделушки поставили на прежнее место, потому что они представляли собою лучшее украшение гостиной. Словом, все тут говорило Флорану о прежней жизни вдвоем с Лидией и о былой их взаимной любви.

Австриец поздравлял своего хозяина: подумайте только – двойня! Есть чем гордиться. А кто из близнецов получит по французским обычаям право старшинства – тот, кто первым появится на свет, или второй?

– Первый, конечно, – тотчас ответил Флоран. Очевидно, такого рода вопросы даже при самых горестных обстоятельствах никогда не могли заставить его врасплох. – Наш кодекс законов не признает древней юрисдикции.

Офицер собрался было высказать свое мнение, как вдруг за стеной раздался дикий, нечеловеческий вопль, а за ним настала жуткая тишина. Флоран приложил руку ко лбу, затем взглянул на ладонь: она блестела от пота. Он достал из кармана носовой платок, вытер руку, вытер влажное лицо. Ни он, ни лейтенант не произнесли ни слова. Они прислушивались. Через мгновение послышался слабый писк.

– Слышите? – сказал австриец. – Это ребенок кричит. Вот он и родился. Вы что ж, не пойдете туда?

– Нет...

Флоран отвел взгляд в сторону.

– Нет. Я лучше подожду. Меня позовут.

Его не позвали. Но когда плачущего новорожденного пронесли через прихожую, желание посмотреть на сына взяло верх и Флоран решился выйти из гостиной. Рамело со своей живой ношей на руках уже шла по коридору в кухню. Он пошел вслед за ней и увидел, что она стоит, наклонившись над столом, на котором пищит укутанный в пеленки еще не обмытый ребенок. Свеча, горевшая в кухне, давала очень мало света, и отец поспешил принести из прихожей канделябр. Тогда лучше стало видно новорожденного и ту, которая уже обтирала его. Чтобы помочь ей, Флоран взял у нее из рук склянку с оливковым маслом. Рамело молча отдала склянку, потом подставила комочек английской корпии, которым вытирала ребенка, и, не глядя на Флорана, не произнося ни слова, ждала, когда он смочит корпию маслом. Флоран сделал это, потом приподнял бутылочку, чтобы из горлышка не капало, и стоял, выжидая мгновения, когда Рамело вновь понадобится масло. Покончив с первой заботой о младенце, она многозначительно посмотрела на печурку, на которой грелась вода, затем устремила взгляд на стоявшую рядом пустую ножную ванну. Флоран понял и, налив в ванну воды, поставил ее на стол.

Рамело обмыла новорожденного. Из другого конца квартиры опять донеслись стоны роженицы, и Флоран сказал вдруг:

– Второй ребенок убьет ее.

Рамело отрицательно покачала головой: «Нет». Глядя на маленькое тельце, которое она заворачивала, она заявила, что теперь все пойдет легче.

– Да? – с надеждой воскликнул Флоран. И через мгновение, подойдя к Рамело, добавил гораздо тише: – А все-таки... Если это будет необходимо... тогда надо избавить мать...

И не решился договорить. Он замялся, чувствуя, что выдает себя, а Рамело, положив младенца, оторвалась от своих хлопот и подняла наконец голову. Чепец, который она так и не сняла, сполз на лоб и закрывал ей один глаз. Она запястьем поправила оборку и, насупив густые брови, впиалась мрачным взглядом в глаза Флорану.

– Поздно! – сказала она. – Было очень сильное кровотечение. У нее не осталось больше крови в жилах... Погодите!

Она прислушалась. Крики Лидии все слабели и вдруг оборвались.

– Опять обморок. Стойте здесь. Ребенка не трогайте. Я пришлю сейчас Батистину...

Флоран остался один со своим сыном. Новорожденный тихонько шевелился, и движения его напоминали жесты настоящего человека. Ручки, ножки, крошечные пальчики, половой орган были хорошо сформированы. На груди маленькие пятнышки сосков, и возле одного из них родинка величиною с маковое зернышко – такой родинки не было ни у Флорана, ни у Лидии. Младенец всего лишь час живет на свете, еще не обсох от утробных жидкостей, а вот уже существует сам по себе, отдельно от матери, отличается своими особыми приметами, – на земле стало одним человеком больше. Глаза у него закрыты, но ротик открыт, он кричит, кричит с каждой минутой громче, как будто жалобный голос, внезапно умолкший в спальне, передался ему...

А Лидия лежала вытянувшись в постели, умолкнув наконец, дважды разрешившись от бремени. Второго ребенка, в котором женщины, принимавшие его, опытным взглядом определили больше весу, чем в первом, положили рядом с братом в кухне, обратившейся в детскую, так как повивальная бабка посоветовала держать новорожденных подальше от матери.

Коридор был очень длинный, двери заперты, и поэтому крика младенцев не было слышно в других комнатах, где воцарилась глубокая тишина с той минуты, как прекратились ужасные вопли, долгие часы раздававшиеся в этих стенах. Батистину посадили около близнецов. Две другие женщины молча прибирались в спальне. Они сменили белье на постели, откинули полотнища полога, чтобы родильнице легче было дышать. Дымок душистого курения, подымавшийся к низкому потолку, рассеивал миазмы и запах дезинфицирующих средств.

Рамело, наклонившись, собрала на полу в узел обагренные кровью простыни и пока что затолкала его в гардеробную. Затем она оправила фитиль в коптившей лампе и в конце концов убрала ее с ночного столика, стоявшего у изголовья, ибо там она уже была не нужна.

Лидия не замечала этих хлопот. Запавшие глаза ее блестели, она не сводила взгляда с мужа, появившегося в комнате. Подойдя к постели, он хотел заговорить, сказать что-нибудь ласковое. Слова замерли у него на губах: их остановил сверкающий луч взгляда, не отрывавшегося от него и внезапно пробудившего в нем ужасное подозрение. Почему Лидия так смотрит на него? Что она знает, что она слышала или угадала?

Флоран смутился. В его мыслях, в недавних воспоминаниях образовался некий провал. Ведь дверь из передней в спальню, где, как ему заявили, Лидия лежала без сознания и ничего не могла слышать, оставалась полуоткрытой. И он понял, что отныне, как бы он ни уверял себя, эта дверь навсегда останется приоткрытой.

– Душенька... – сказал он наконец. – Как ты себя чувствуешь?

– А... а... – простонала Лидия.

Он попытался улыбнуться ей. Как? Больше ей нечего сказать мужу!

– А... а... – опять протянула она. – А-ах, а-ах...

Она не могла говорить! И это бессилие, эта невозможность выразить свои чувства, быть может, горькое сожаление все вдруг решили. Горящие глаза сразу померкли, голова склонилась к плечу, веки сомкнулись, на ресницах заблестели, но не скатились две слезы.

Флоран попятился и, выпрямившись, тяжело вздохнул. Но, избавившись от взгляда жены, он встретил взгляд акушерки. Он не выдержал, снова отступил и, почти повернувшись к ней спиной, застыл на месте, по-бычьему наклонив голову; нижняя губа его отвисла, выражение упрямства исказило все черты.

Никто не произнес ни слова. Однако то было одно из тех кратких мгновений, когда секунды кажутся вечностью, когда всякое притворство прекращается и, откинув завесу лжи, пред людьми предстает правда. Потом все ожило. Лидия очнулась, акушерка подошла, наклонилась над нею. Рамело встала по другую сторону кровати, у стены, а Флоран, хотя теперь никто уже не собирался изгонять его из комнаты, отошел подальше от постели, к окну.

Когда Лидия перестала кричать, окно опять открыли. Напротив дома находилось только здание коллежа, можно было не опасаться любопытных соседей; никто в квартале еще не пробуждался. Несмотря на то что в комнате горели две лампы, ночные бабочки не влетали в отворенное окно: их удерживал яркий свет фонарей, подвешенных на проволоке поперек трех улиц, сходящихся на перекрестке... Тишина и прохлада ночи не успокоили Флорана. Тревожила мысль, что его поведение могут счесть странным, как вдруг Рамело, подойдя, зашептала ему на ухо:

– Нечего вам тут торчать.

– Что?

– Ступайте, сядьте у ее изголовья. Возьмите ее за руку, изобразите грусть на лице... Если не ради нее, так хоть для чужих людей постарайтесь.

Он посмотрел на дверь и увидел, что в комнату вошла еще одна женщина.

– За акушерку я ручаюсь, – тихо проговорила Рамело, – она мне приятельница. А за эту...

Вошла та самая соседка, которой доверили на одну ночь присмотреть за Аделиной и Жюли. Ее появление в комнате роженицы доказывало, что обе девчурки спят, но вместе с тем свидетельствовало, что настал грозный час и, возможно, близится одно из тех событий, до которых так падки досужие кумушки, всегда готовые в таких случаях собираться кучками и с заговорщицким видом толковать о том, как они предчувствовали случившуюся беду.

Рамело, не любившая якшаться с соседями, позвала вечером эту женщину только по необходимости и лишь потому, что слышала о ее примерном поведении и ее несчастьях. Известно было, что она крестьянка из деревни Шеней, в Париж прибыла в июле прошлого

года вместе со многими другими людьми, искавшими убежища от ужасов сражений. За три дня столицу наводнили толпы беженцев, расположившихся повсюду: в водосточных канавах, под воротами, на мостовой, на тротуарах между уличными тумбами, под заборами. По воле случая Жозефа Браншу с двумя детьми и корзинками, набитыми жалким скарбом, забрела на улицу Жубера, и там их из жалости поместили в пустую конюшню. Бои наконец прекратились, но Жозефа со дня на день откладывала возвращение в родную деревню: у несчастной женщины не хватало на это духу. Ведь у нее на глазах сгорел ее дом, скот разбежался, погибло все имущество, а муж еще семь лет назад пал смертью храбрых – кто знает, сохранилась ли хоть частица его праха в никому не ведомой яме на острове Лобо? Столько испытаний обрушилось на эту женщину, что они ее пришибли, она отупела, стала нерешительной, боязливой. Чтобы избавить семью от самой горькой нищеты, ей помогли отдать сына в ученье, а дочь пристроили служанкой, сама же она, добывая себе на пропитание, ходила на поденную работу в зажиточные дома своего квартала; случалось, эта маленькая коренастая женщина молча плакала, не выпуская из рук швабры; отработав день, она не искала отдыха и развлечения в болтовне с соседками у дверей бакалейной лавки, а спешила в свою нору. Никто хорошенько не знал, что о ней сказать и что думать.

Сейчас она робко стояла у порога. Рамело поманила ее рукой, затем подозвала знаками повивальную бабку и увела обеих в гардеробную, оставив дверь открытой, – гардеробная одинаково была удалена и от алькова спальни, и от окна; три эти женщины, едва различимые в темной комнатухе, наклонившись друг к другу, стали совещаться. Жозефа Браншу кивала головой, выслушивая указания, которые ей давали. Вскоре она опять появилась в спальне, торопливо прошла через нее и скрылась в прихожей; вслед за ней возвратились две другие собеседницы. Повивальная бабка, указывая глазами на мужа Лидии, что-то спросила у Рамело, та отрицательно покачала головой: «Нет», – и ему даже показалось, что она пожала плечами. Флоран, как будто ничего не замечая, смотрел в окно; на улице слышались чьи-то шаги, и на мостовой показалась Жозефа, быстрым шагом направлявшаяся в сторону улицы Тиру.

Затем долго не происходило ничего необычайного.

И вдруг в тишине спящего города донеслось издали позвякивание. Флоран прислушался. Звук становился все отчетливее. Это был легкий, прерывистый звон, раздававшийся все ближе и ближе. Наконец мимо домов замелькал огонек; колокольчик зазвенел громче, в сумраке обозначился белый стихарь – стало ясно, что по безлюдным улицам посланец церкви нес Лидии Святые Дары.

Когда священник ушел, роженица, которой причастие как будто возвратило немного сил, приподняла руки, подержала их в воздухе, протягивая к чему-то невидимому.

Рамело первая поняла ее.

– Младенцев... – сказала она. – Младенцев просит принести.

Принесли новорожденных. Они громко кричали, оба были уже запеленуты, но на новый лад, ручки у них оставались свободными. У одного запястье было обвязано лентой – отличный знак его первородства, предосторожность излишняя, так как родинка на груди старшего сына, которую пока еще доглядел только Флоран, у второго близнеца не повторялась и возможность спутать их была раз навсегда исключена. Наклонившись к матери, повитуха сообщила ей, сколько весят младенцы: родившийся вторым был, как водится, крепче, но и первого, слава богу, заморышем не назовешь! Глаза у Лидии блеснули и вдруг закатились; подумав, что она опять лишилась чувств, женщины быстро убрали от нее младенцев. Старшего, которого держала Рамело, сунули Флорану.

– Не могу нащупать пульса, – шептала повивальная бабка, обхватив пальцами запястье Лидии. – Нет! Нашла! Дай ей ложечку воды. От потери крови у нее жажда.

Дыхание роженицы стало коротким, поверхностным; иногда оно останавливалось, лицо все больше бледнело, приобретало землистый оттенок. Глаза, однако, открылись, Лидия при-

подняла правую руку, вытянула указательный и средний палец и с трудом сделала в воздухе крестное знамение. Флоран тотчас подставил под материнское благословение лобик ребенка, которого он держал на руках, – случайно это был старший.

Когда Лидия умерла, лишь только ее обмыли и обрядили, зажгли вместо ламп свечи, у смертного одра собрались ухаживавшие за ней женщины и хором принялись читать вслух молитвы. Их было четверо, все разного возраста, и позы их были разные. Рамело и повивальная бабка, которых одолела наконец усталость, молились, сидя на стульях. Жозефа Браншу стояла на коленях рядом с Батистиной, плакавшей навзрыд. Но все они произносили слова одного и того же псалма, возносили одинаковую молитву. Они составляли единый хор и молились, не обращая внимания на Флорана; они забыли о нем – о мужчине, не подчинявшемся обряду, мужчине, отъединенном от них своей рассудочностью, стыдящемся предаться чувству, мужчине, чуждом их женскому миру.

Где же он был в это мгновение? Несомненно, возле близнецов, которых уложили, головками в разные стороны, в той самой колыбели, где лежали первые месяцы своей жизни и Аделина и Жюли. Новорожденные, вероятно, спали, так как их не было слышно, хотя дверь в прихожую теперь оставалась открытой. Хотели хорошенько проветрить помещение, боясь, что день будет знойный и жара повредит и новорожденным, и мертвому телу новопреставленной.

Женщины не сразу обнаружили, что отец вернулся в спальню, – он прошел на цыпочках за их спинами и встал в оконной нише. Но вскоре, бросив одна за другой взгляд через плечо, они заметили его и поспешили уйти из комнаты. Батистина, всхлипывая, вышла последней, дверь затворилась, и Флоран один остался с покойницей.

Он не смотрел на нее. Не решаясь повернуться к ней спиной, он стоял бочком, опираясь одной рукой о балюстраду окна. Он едва держался на ногах от усталости, но все стулья расставлены были около алькова, и поэтому он предпочел стоять.

Из окна видна была пустынная улица Сент-Круа. Ни одного прохожего. Еще не занимался день. Флоран достал из кармашка часы – было около трех... Как все быстро проходит!

Лидия умерла, умерла вот в эту ночь. Все кончено. Умерла! А ведь сколько раз она наяву и во сне терзалась страхом, что умрет он, ее муж. Сколько бессонных ночей она провела и все мечтала отоспаться, спать целые месяцы, а теперь вот уснула вечным сном; она так страшилась пустой гробницы и первой займет в ней место. Он дерзнул наконец посмотреть в сторону алькова. Постель была уже прибрана. Лидия вдруг сделалась такой худенькой, маленькой, что тело ее почти не примяло тюфяка. Может быть, она уже утратила телесность, связь с земным миром, стала невесомой. Флорану показалось, что выражение ее лица, обрамленного кружевной оборкой чепчика, который надели на нее, спокойное, умиротворенное, и молодой вдовец почувствовал великое облегчение, словно от этого что-то изменилось в совершившемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.